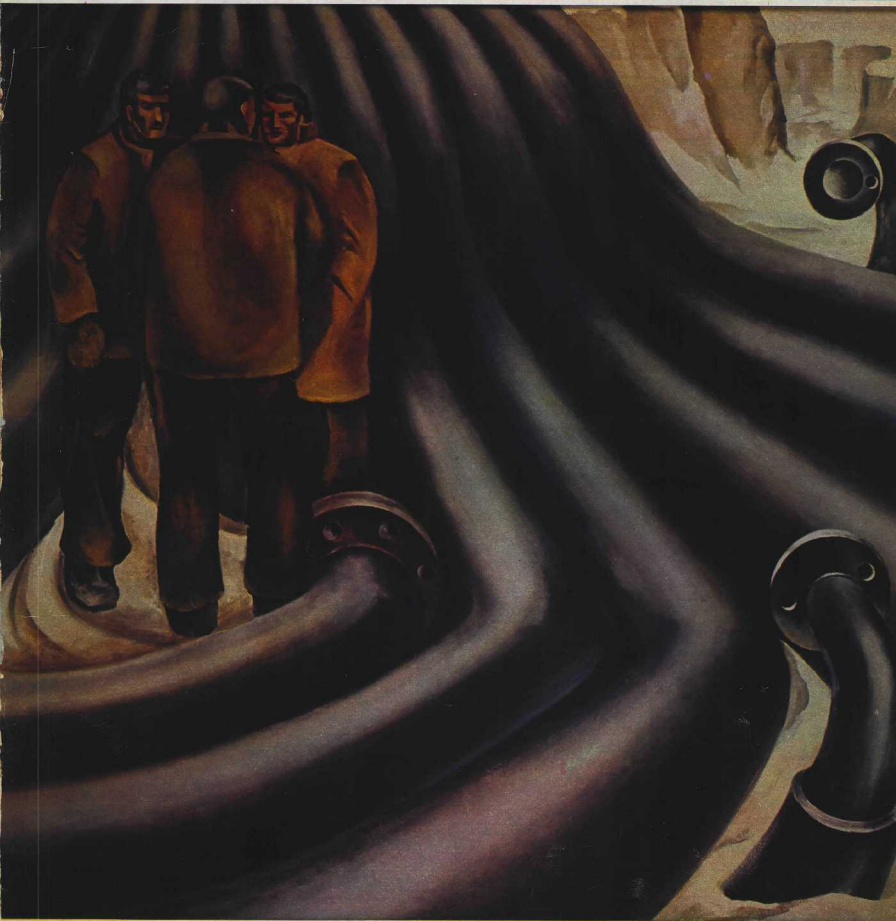


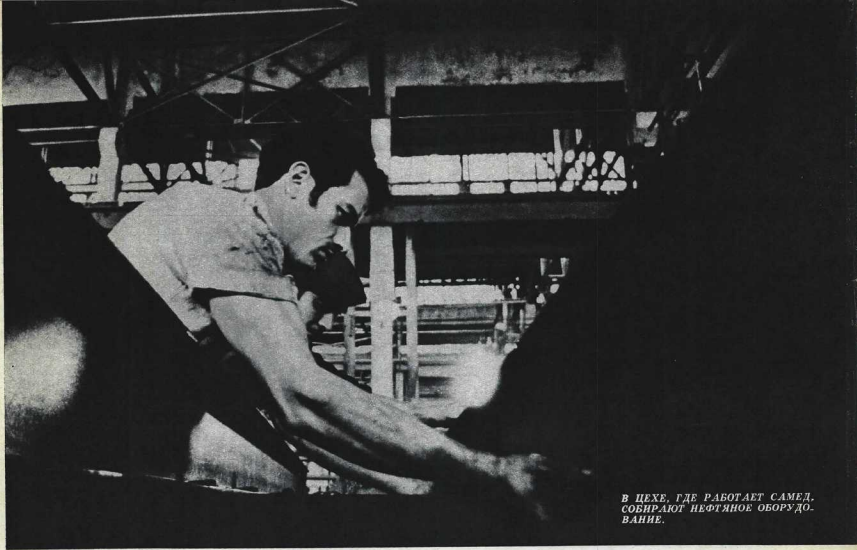
СМЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 АПРЕЛЬ 1973

ПЛАМЕНЬ ТРУДА — ПЛАМЕНЬ ТВОРЧЕСТВА...





В ЦЕХЕ, ГДЕ РАБОТАЕТ САМЕД, СОВИРАЮТ НЕФТЯНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ.

НЕОБОДОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Комсомольский характер

Дрогнет крыло и плавно поедет вниз, заводя в широкой полукруг серебристое тело титанового самолета — словно бы морем и нефтью плывет в герметичных салонах, всплывает ввиду Апшерон контуром неровных береговых огней, фанельным маяком нефтепереломки, вышками на равнине, теплоходом в море. Позже первая земная реальность — посадочная полоса — подстроится под шасси и сважет воедино в сознании обрывки географических сведений в разрозненных приметах Баку. А тем пойдут все новые и новые линии этого обжитого, уютного города — с его скверами и площадями в бронзовой фольге листов; с его просветителями, астрономами и математиками, застывшими среди шумного кипения жизни, обтекающей их гранитные постаменты искрившимся солнечным мелководьем; с новыми метро, вписавшим себя своим первыми станциями в старые кварталы города; с отнесенной «наколочкой», последние разоренные домишки которой только и наполняют от том Баку, что когда-то именовался черносиневой лавкой России....

Вначале ищешь сходство, затем — различие. Такова логика узнавания. Пролускаешь, как общее место, открытые бульдозерами пригороды, плоские пространства полупустыни-полустепи вокруг Баку, поразившись лишь

небывалому скоплению вышек и насосов-качалок: ночью это плотная россыпь огней, а днем — густой лес беспидных перелетов, ферм, труб. И, только касаясь экзотическими гортанным Баку, возвратишься к исходной точке пути и где-нибудь в крошечной чайхане у подножья величественного Сабира, глядя на мелькающие руки чайханщица, впервые попытаешься задать вопросом, не ответи на который никогда не скажешь, что знаком с человеком. Равно и о чем бы ни думал, никогда не был и о чем бы ни думал, никогда не был и о городом.

Что главное, основное, несущее? Гав и каков он, замковый камень? Для Самеда Касимова, где бы он ни был и о чем бы ни думал, никогда не были пустым, «проходимым» местом обнесенные заборами и каменными оградками заводские предместья, а красномкирпичные брандмауэры старых, выросших в город цехов никогда не заслонялись обжитыми улочками и кварталами новых домов. Немного раньше, чем предстать перед ним скромной, вписанной в старое жилье города прозой, завод имени Шмидта вошел в сознание маленького Самеда как нечто всемогущее, всеобъемлющее, огромное — больше, чем море. С понятием «завод» было связано все: ритм жизни многолюдной семьи, новая игрушка, ботинки, огромный каменный дом, выросший на пустыре. На этом «заводе», как по опыту своему полагают Самед, делали деньги и еще время от

времени, когда это было нужно, новую мебель для квартиры в новом доме, красивые листки Почетных грамот, медали и ордена. Однажды даже там сделали книгу с портретом отца. Книга называлась «Опыт работы новаторов».

Понятно, что такое представление о заводе не было долговечным для сына токаря Алишадра Бадал-оглы Касимова. Но как для крестьянина понятие «поле» не исчерпывается размером урожая, так и для Самеда Касимова слово «завод» и сегодня — нечто более емкое, чем сумма заводских строений, цехов, станков, связанных всеядно технологической сетью производства оборудования для добычи нефти.

Это — от детства: первый камень в фундаменте характера. Оттуда же, от безусловной значимости, первостепенности всего, что есть «завода», от высших критериев семьи и двора — первый штрих эскиза судьбы. «Завод» — это становилось главным, чем школа. А в пятнадцать лет, всерьезовавшись тем, что некогда приболел отец, Самед Касимов пошел учеником слесаря в механосборочный цех.

Болезнь отца — это был всего лишь предлог: рабочая семья сумела бы доучить парня без особых материальных затруднений. Но семейный совет, поразившись, сказал: акши!

Высокий, угловатый подросток, застенчивый и оттого казавшийся сер-

Виктор ЛЕВАШОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)



ДЕЛА ДЕПУТАТСКИЕ. РАЗГОВОР
С ГЛАВНЫМ АРХИТЕКТОРОМ ГО.
РОДА Г. А. АДСКЕРОВЫМ.

взней и старше, впервые взял в руки рашпиль, первый инструмент металлиста — для дела, а не для игры, и с первым жесточайшим содрывом на пальцах начался новый цикл незримой стройки, результаты которой становятся явными только иного позве. У верстака в торце цеха он был один на один с забытым в тиски непокорным металлом, мир вокруг него был замкнут и мал, даже кирга его бригады был для него непостижимо огромн и недоступн обзору и пониманию. Где-то поверху скользяи, преваливаясь, краны; рядом и в то же время бесконечно далеко опускались на трубчатые цапсы буржуйские сверляющие валы редукторов; в дверной огромный проем в середине цеха время от времени закатывались «ААЗ» и выполняли на свежий воздух, во двор, а оттуда на базу свежераскрянные гроздьи нефтегазовой арматуры, превенторы, гидромолы; огромный цех с соевой станок, с треском сварки, грохотом кувалд по стальным листам жил рядом с ним и в то же время отделивший от него словно бы плотной прозрачной стеной. И лишь по мере того как становился податливым металл в его руках, очень небыстро, от детали к детали, разламывалась эта стена. Завод цех бригады поначалу олицетворялись для него только одним человеком — мастером, на обучение к которому Самед был привлечен. Потом прибавился его напарник — тот, к кому в руки передавал Самед подогнанную деталь. Затем...

Азбука ремесла становилась азбукой общепития. Позже, в институте, Самед без удивления, как ничто само собой разумеющееся, воспринимал социологическую формулу, еще непонятную многим его сокурсникам: «Труд в силу его исключительной общественной природы есть всегда не только производство каких-то вещей, но и важное средство социального общения, человеческой коммуникации...»

Однако не только от своего ученического верстака шел путь Самеда к тому, что было «заводе». Вряд ли он отдавал себе в этом отчет, но уже с первого своего шага за проходной он подвергся, как подвергается каждый новичок, воздействию многих незначительных сил, которые не становятся менее важными оттого, что их нельзя измерить в тоннах или вылетах.

Бюро заводского комитета конспекта должно было начаться в 16.15. Оставалось пятнадцать минут, но никто еще из членов бюро не подошел. Не было и звонков — телефон молчал, хотя ему бы самое время работать с полной нагрузкой: всякий, кто знаком с комсомольской работой, знает, что чем больше людей должны присутствовать на заседании комитета или на бюро, тем больше раздается звонков о том, что обстоятельства мешают — роботе или мама заболела, да мало ли что бывает! Но телефон молчал, и секретарь комитета Малик Исрафилов, не проявляя никакого беспокойства, продолжал рассказывать мне о жизни заводской комсомольской организации: участие в движении «Пятилетке — ударный труд, мастерство и поиск молодых», в фестивале, посвященном 50-летию СССР, соревнование комсомольско-молодежных коллективов, соревнования по профессии...

До начала бюро осталось пять минут, а в комитете по-прежнему пусто. Тут уж я не выдержал:

— Где же люди, Малик?

Малик посмотрел на часы, удивленно пожал плечами:

— Но еще рано...—И продолжал свой рассказ.

Заместитель Малина появился за три минуты. Он был первым. После этого дверь комитета не закрывалась.



ПОДРЯДЧИЦЫ. ИСКУССТВО
ВЕЧЕРНЕ ЗАБИВАЮТ В ЖИВНОМ
СКОМ ЛАБОРАТОРИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 7 [1101]
АПРЕЛЬ
1973

НАША ОБЛОЖКА: КАРТИ-
НА БАКИНСКОГО ХУДОЖНИКА
ЛИВРА АСКЕРОВА «ОРГАН ЛИ-
ШЕРОВА».

СТАТЬЮ ОЛЬГИ ВОРОНОВОЙ «ГДЕ
ОЛЬГ ТОРИТ НЕУДАСЛИВЫЙ» ЧИ-
ТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ 12-14.



Ровно в 16.15 Исфахилев открыла за-
седание: все были в сборе.

На этом заседании должны были
утверждать рекомендации в партно
нескольким ребятам из механосбо-
рочного цеха № 1. Вопрос был по-
следним — так было удобней для
большинства. И пока шла речь о по-
готовке к конференции, я листал
историю завода.

«В 1900 году на заводе Хатисова
австрийского капиталиста Левинсона
и в 1931 году переименован в завод
лейтенанта Шмидта) создан первый в
Азербайджане социал-демократиче-
ский иружок. Руководил им Аршак
Хатисовский)...
1901 год — первая забастовка ра-
бочих на заводе Левинсона...»

1907 год — в токарном цехе зава-
Хатисова состоялась первая общеба-
кинская партконференция...»

1918 год — на заводе Левинсона
создана первая в Азербайджане ком-
сомольская ячейка из шести чело-
век...»

Старейший в Азербайджане завод,
богатые традиции. И они не только в
лампяниках, мемориальных досках и
документах. Они в людях. Очень
немногие, конечно, живы из тех, кто
охранял делегатов первой бакинской
конференции (органа была сформиро-
вана из рабочих заводов Хатисова и
Левинсона), но сегодня на заво-
де лейтенанта Шмидта — их сыновья,
внуки, и традиции живы неформаль-
но, они — в самой атмосфере коллек-
тива...
Не отрываясь от дела, Малик зна-



6
ДЕВИЗ СОРЕВНОВАНИЯ:
«СЕГОДНЯ — РУБЕЖ
НОВАТОРА, ЗАВТРА —
КОМСОМОЛЬСКАЯ
НОРМА».
ДНЕПРОПЕТРОВСК:
ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ.

9
РАССКАЗ
АНАТОЛИЯ МАРКУШИ
«ГЛАВНЫЙ ГЕРОИ».

20
ВОСПИТАНИЕ БОЕМ.
ВСЕГДА
С ЗАСЛУЖЕННЫМ
МАСТЕРОМ СПОРТА,
ЗАСЛУЖЕННЫМ
ТРЕНЕРОМ СССР
А. И. ЧЕРНЫШЕВЫМ.

24
«ДЫХАНЬЕ МОЛОДОСТИ
СЛЫШИТ МИР...»
КОМСОМОЛЬСК-НА-
ОДЕРЕ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ТВОЯ ПРОФЕССИЯ. ДОМ БЫТА В ИВАНОВЕ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.
СТИХИ ПОЭТОВ ЛАТВИИ

ЗАКОН И ТЫ. СЕМЬ ВОПРОСОВ СЛЕДСТВИЯ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашии, Г. П. Елисеев, А. П. Кулешов, А. А. Лхано-
в (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного
редактора), В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рвачиков,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник),
Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашович

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будина



ком спрашивает меня: «Узнала Я окончательно начало головы: «Нет». Он отвечает: «Тогда слушай...»

И пока он читает заявление с просьбой о рекомендации в партию, подписанное молодым специалистом, мастером механосборочного цеха Бабекон Садыковым, и задает вопросы по Уставу партии, я еще раз внимательно осматриваю присутствующих на бюро, пытаюсь понять, кто из них Самед Касимов.

Не получается. Молодые, хорошо одетые ребята (я бы даже сказал — элегантно, в Азербайджане у людей, как мне показалось, какой-то врожденный вкус), в меру серьезные, в меру веселые. Нет, не получается. Остается ждать.

— Самед, твою инициативу — спрашивает наконец Малик, и лишь по вд-

ва заметному движению можно понять, что весомость слов того, к кому обратился секретарь комитета, больше, чем у других.

— Я — за. Бабек мастером у нас второй год. Дело знает, работу любит. С рабочими держится хорошо, без лишней фамильярности. С начальством ровен, самостоятелен. Если кто-нибудь обратится, всегда поможет. Я — за...

Так и вперые познакомились с Самедом Касимовым.

Через несколько дней, когда я вновь пришел в комитет к Малю и попросил полистать старые протоколы заседаний комитета, Малик предупредил:

— Смотри. Только того, что ты ищешь, не найдешь. Никакие подки-

гов не найдешь. Был комсорг цеха, несвобожденный — знаешь, что это такое? Работал. Выбрали членом заводского комитета, получили общественности — работал. Хорошо — нормально, как мы говорим, работал. Он незаметный человек. Но он необходимый человек...

Есть судьбы как крупный цельный узор. Смотреть «впритык», как близорукий газету, бесполезно: однообразны штрихи, внешне однообразны чередования дней и деп, един и в деталях однообразен рисунок судьбы.

В 1967 году Самед Касимов ушел служить в армию, через два года вернулся — в тот же цех, на то же место. Вечерняя школа. Окончил. Поступил на механический факультет вечернего отделения политехнического института.

Еще штрих: свадьба. Первенец — сын.

И такое же неспешное, без скачков постижение профессии и соразмерное ему движение по цеху: от торца, где ведутся подготовительные работы, к дверному проему в центре цеха, где обретают законченность узлы «Ванкочева», «Францева» — мощных станков для бурения на нефть и газ, в сборе — небольших автономных заводов, со своей электростанцией, компрессорной, силовой установкой. Отсюда уже их путь по десяткам маршрутов: и в Каракумы, в Тюмень и в Африку, в Индию, на Ближний Восток...

И так же, как среди членов заводского комитета комсомола, ничем сначала не выделялся Самед Касимов и из его бригады.



РАБОЧАЯ ДИНАСТИЯ КАСИМОВЫХ: ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ.



Преклоните голову перед нашим...
 Человеку же рухнуть в пустоту!
 Залезбунувшись криком в рукопашном!
 Или валлпод держа во рту!
 Голову пред нашим преклоните...
 Мы одним ударом разрубим
 Или по тонюсенькие нити...
 Или он привязан к жизни был...
 Кем бы он ни пал, он пал героем,
 Тут выжило: воюл или нет.
 Мы рано знамывали повором
 Стол простой и воинский лафет.

Старшина

И надо ж было нам тогда повоевать!
 Все, может, было бы наоборот...
 ...Тяжелая походка землелашца,
 И по-крестьянски неподвижнй рот...

Стояли мы, потупив очн долу
 И плечи приспустившие слегка,—
 Два москвича, не кончившие школу,
 Нашкодившие два ученика.



Ну что такое, скажем, смелость!
 Кому и как она дана!
 Кому у нас с тобой вылезла,
 На то веда и была война!
 И хоть храбры на поле брани
 Мы были в презиме года,
 Но почему-то их собрание
 Мы все ж робели жюгда...
 И в душной зале, среди потных
 Людей

как он красен, простой
 И совершенно чужой подане,
 Своей особой красотой.

В любом коллективе незримо присутствуют дух соперничества. В микроорганизме бригады профессионального умения — важный критерий оценки личности. Отсюда стремление как можно быстрее стать равным среди равных, а там, смотрящий и поварам среди равных. Именно здесь, в бригаде, брава истинно неуемная любознательность сорбщика Сameda Касимова, его жадный интерес к тому, как работает цех и завод. Так вышло неслучно, «да себя соперничеству», а затем на более высоком уровне — соревнование между бригадами, сменными и цехами, с коллективными договорамн, взаимопроверками и подведением итогов расширения не только профессионального, но и жизненного кругозора молодого рабочего, а традиционные дружеские «шмидтовские» с новочеркасским «Нефтеавтомашем» вводила в понятие «завода» масштаб страны, где в третьем, расширяющнм году пятилетки понятие «соревнования» все больше становится нормой и мерилом всех ценностей рабочей жизни.



Молодость у всех была когда-то:
 время слоров, пинокнов и лыж.
 Трудно верить, что была кудлата
 голова твоа, кто нынче лыс!
 Трудно верить, что еще был ровоз
 личица восторженный овал.
 И морщинны марчаные философ
 на высоком лбу не собирал.
 По урам откуда эта вялость!
 Голова,

с чего она белая...
 Как бы это там ни называлось,
 молодость ведь все-таки была.



Поднялись летелин, полыхая...
 И, как повелось на Русь,
 Тройна незабываемая, лихая,
 Ты меня далеко уносила...
 Это значит, видимо, немало,
 То, чтоб кони грызли удила...
 ...Тройка прямо в небо подымала,
 Прямо к беспредельности вала.



Но вот приходит однажды время взглянуть на себя глазами других. Открытие понистну ошеломительное: доверие — да какие масштабы! Старейший и один из крупнейших в Баку — завод лейтенанта Шмидта — выдвигает двадцатипятилетнего парня кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, а огромной рабочей районной Баку — Наримановский — подтягивает, подписывает его кандидат. Промысел? Да, Слава! Конечно. Но прежде, а для самого Сameda главное и единственное — ответственность. И вопрос: «Почему меня!»... Дома у Касимова глава семьи, Алмышарф Бадал-оглы Касимов, с царственным безразличием, только и принимая патриархат, показал мне папку. Битком набитую вырезками из газет, почетными грамотами и дипломами. Замелькали на газетных страницах снимки Сameda с соответствующими случайно подкатковками, где нечет да и просятки «спесарь-аски или что-нибудь в этом роде. Это — от того же недоумения, которое простиительно самому Сameda

Подарок

Папаша и пятый котелок...
 И среди обычных высот
 Седобородый долготелый
 Сидит и коз себе пает.

И к этому уж все привыкли,
 что часто среди тень-шанских скал
 В районный центр на мотоцикле
 Газодат над бездной акакал...

И вот живет он год от года.
 Живет себе — и все дела,
 Раз долготелые природа
 Взала так просто и дала.



И я еще задумываюсь о том,
 что значит правда и что значит
 совесть...

Но не как тот, кто угостынно мочит
 себя терзает, в монастырь готовясь.

...Мирская совесть тонкая, как нить!..
 И в жюну, и радуясь, и стражду...
 ...А словечность в этом, чтоб соединить
 с меляньем счастья нравственному
 жажду.

Касимову, от желания легко ответить на непростой вопрос: почему его, именно его? «Если «тангата», «спесарь-ас», — тогда ясно. А ведь нет. И Сamed это знает, и все в деле знает. Сamed — прекрасный сорбщик, успешно справляется со всякими обязательствами, но до часа еще еще далеко. У него лишь четвертый развод. Значит, вопрос здесь не в мастерстве. Из чего же сложилась «необходимость» Сameda Касимова? Безупречность — первая координата его личности. С тысячами людей сталкивался Сamed — и в цехе, и на заводе, и в своем амнироазионе, и в заводских общеденичнх. Не нашлось ни одного человека, который мог бы сказать о нем худое слово. И все это не где-то на большой новой стройке, где человек и соседнюю бригаду не всегда знает. Это в Баку, на своем заводе: Сamed Касимов — рабочий у себя дома. В папке, которую мне показал отец



Я вслушиваюсь чаще...
 Как будто солова,
 томится слово в чаще
 толстуцких слюварей.

Но в покою нарушу,
 что в погуларке там,
 и сверяюсь наружку
 я слуху и слышу дам.

Пусть вверх зовьется, чтобы
 узреть коть клок зари...
 Не арчаню, как шюбобы,
 сомельясы слюварн.



Искусство старых мастеров,
 высокое искусство...

...В нугач бредут
 душа коров.
 Зари дана
 негусто.

Искусство старых мастеров...
 ...Лаури чуть,
 чуть савок.
 Уселся тени —
 будь здоров!
 Расстегнуты корсаки!

Искусство старых мастеров...
 ...Нелзя и быть
 бесстрашной!
 Стен — в зубцах,
 и черный ров,
 и облака над башней.

Искусство старых мастеров...
 ...Напиток из Шалаван
 в бокале голубом
 багров...
 Лыном на первом
 плане.

Сameda, далеко не все газеты последних двух лет. На три четверти, если не больше, содержание папки — о самом Алмышарфе Бадал-оглы Касимове. Здесь же и книга «Улыбты новаторов» с его портретом и со статьей о нем. Сорюк лег — его реборичн stance на заводе лейтенанта Шмидта. Тохарь. Кавалер ордена Ленина. В прошлом депутат Верховного Совета Азербайджана. А вот фамильные связи Касимовы: старшая сестра Сameda, Салмаз,— лаборантка в центральной заводской лаборатории, племянник Алмышарфа Бадал-оглы Джамал Сафаров — тохарь, старый Алмышарф передает ему свою станюк; зять Нариман Тагиев — слесарь в цехе новопрофиленной арматуры, младший брат Сameda, Бадал, стал тоже слесарем-сорбщиком. Я не рискую продолжать этот список только для того, чтобы не запутаться в родственных соподчиненных этой большой, дружелюбной, веселой рабочей семье, но и этого достаточно, чтобы определить происхождение Сameda Касимова.

Вступление

1
Не для грядущих поколений,
руноплесянник и похвал,
а для различных утверждений
и биографий писак.

Обдумывая фразы,
кто-то дады прошлых дней,
и замечая,
что с каждым разом
она становится длинней.
Но я писал и не лукавил
у новой жизни на краю
и, подстреливая фразы,
ставил
внизу фамилию свою.
Пу, что проста,
доку подросла,
как завс откованной оси,
что вечю —
после Ивановых —
была вторюю на Русь.

Я заносил в источник узаний,
в душе неказанно гордыся,
что по судье и крош —
русский,
сочиняя с Отчизной сказы,
Я ставил личный год рождения,
а выходяю,
что собой

я представляю поколение,
что родилось перед войной,
что вводило марганцовую
крямью буквы первых слов,
доруча в затонувших откосах,
а вырастало без отцов.

Нас с детства ранит благородство
завоеванских заврамя,
кто и наше горькое сиротство
самой тушанной опавшей.

Нам горе обнажило корню
той правды,
что в беде любой
никто не вынесит,

не заслонит ее собой!
Как описать в скукой анноте
обличы горюдию в сел,
и в первый раз

в третий
на труд бросал нас комсомол!
Как передать мне после срока
восторг передь моей страной,
когда помчался к западкам سوال —
Гагарин Юрь,

сверстник мой,
Но даты радости и горя
легко вымываются в струю:
влили кету в Оготском море,
вавил комсомую тайгу.

Это важно. По нашим меркам Се-
меда — высокого происхождения, из
семьи мастеров, поденщиков Ле-
винских и Хатисова; немцы засели
предков значаща не на полях родо-
вой библии, а скорее — если отко-
вывать помянуто — в поповских
заставках арестованных за участие в
стачках, марксистских кружках, де-
ла же их — в хронике самого за-
вода.

Количество переводит в качество.
Родственники сами долот туюю ко-
орудителю Семеда — неадекватно.
Рабочий у себя дома...

В Баку, старые кварталы его за-
стрелили так, как шельет и перешли-
вался на семью отцовский приказ,
— по нужде: во дворник, оплетенных
винтаградным лозам, возмания
финглярки и мажорады, комнаты де-
лительны, перекривались, соединя-
лись... Речь об аристократе старого
Баку. С этой особенностью города
связано первое депутатское дело Се-
меда: прощор — за него пере-
важно серьезным знакомом.

Каждый, кому приходилось склани-

Были там всегда,
где слово индого
срывалось с опаленных уст.
И не беда, что пункт «наградь»
пока что абсолютно пуст,

что среди славою венчаных
моей фамилии не найти,
хоть сам товарищ Нарочатов
давал мне доброго пути!

Цыплят по осени считают!
Но осень вот уже индия,
уже висит ламе ослепает
порешей первой седина.

Уже сентябрь,
а за плечомы
ни главных слов,
ни главных дел...

Я плачу черным ночам,
что больше сдвигать не сумел.
Но, может не было таинств!
А сны разошлись, как дыма!

Мать не дано стать лейтенантом
тому,
чей долг
быть редовым!

Я знаю —
счастье в соучастии!
Как большинство в краю родном,
в асех дурной радел о счастье,
о счастье бешонце —
не своею!

О счастье дочеря, и друга,
и незнакомых мне людей.
Но это
не моя заслуга —
заслуга Родины моей!

Что в дни винных потрескиний
за свой народ стоить стеной
учила нас поколение,
рожденное перед войной!

Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

2
О даты жизни быстротечной —
мелькание лиц, имен и дней!
Вы оставались, вы оставались,
как в вечность,
заруби в памяти мой.
И я назад по тем зарубкам
мду спазов годя,
как в тайгу,
где ты стоишь в зеленой юбке
на приманурском берегу.
Стоишь, как елочка,
на slopes
крутого неба и воды,
не слыша,
как сбивает осень
в садах голые плоды,
как струи
в речке обновленной
звенят хрустальными льдом...

Но что тебе, анонимной,
градующей снег и ледопад!
Стоишь ты, комкая тетрадик,
еще не вела лодка,
как нас зарукают танцплощадки
в старинном парке города,
как приедут дорожком парня
и вину за сладким столом...

Ты поминьх туюю хибарку —
новельской иже
семейный дом!
И тот сверкающий из белым
блдон, намотный незванка.

3
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

4
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

5
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

6
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

7
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

8
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

9
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

10
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

11
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

12
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

2
О даты жизни быстротечной —
мелькание лиц, имен и дней!
Вы оставались, вы оставались,
как в вечность,
заруби в памяти мой.

И я назад по тем зарубкам
мду спазов годя,
как в тайгу,
где ты стоишь в зеленой юбке
на приманурском берегу.

Стоишь, как елочка,
на slopes
крутого неба и воды,
не слыша,
как сбивает осень
в садах голые плоды,

как струи
в речке обновленной
звенят хрустальными льдом...

Но что тебе, анонимной,
градующей снег и ледопад!
Стоишь ты, комкая тетрадик,
еще не вела лодка,

как нас зарукают танцплощадки
в старинном парке города,
как приедут дорожком парня
и вину за сладким столом...

Ты поминьх туюю хибарку —
новельской иже
семейный дом!
И тот сверкающий из белым
блдон, намотный незванка.

3
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

4
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

5
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

6
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

7
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

8
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

9
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

10
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

11
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

12
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

в котором мы
ступи варина,
а после инвентил чаи!
Ты сморкаться —
Былм б ружья,
да к ним еще был голова,
ды чубок не знали мы разлуку,
все остальное — трам-трава...

Но у Крестов и Вальмурия
месини снег мон утпы:
ведь, кроме рук, белы и шел
я сно по шее коматы.

Но в денаре
под рея метели
вставали дни, черны, как ночь.
И тихо плакала в постели
метузой сползающая деча.

Комочек мой, любовь, отрада,
она росла бледней хонста
без нивы,
без солнца,
без детсада,
в фанерных стенах заперта.

Я вновь являлся в ту избенку
и в ту тугующую тишь,
где спит она,
закива в ручоню
полузамученую мамши!

Я снова сдержанно слезы,
как там,
во Внуковском порту,
где белостельные березы
взлетают ружья в высоту,
где в первый раз умелю речу
(о памяти тударя, ты знава!),
она сказала,
любовь смориня:

— Каква риненна трава!
Я снова слышу:
воет вьюга,
и от мороза стывает кровь...

Прости меня, моя подруга,
моя судьба,
моя любовь!
Прости за то,
что в дни жизни
ты — дитя других шпрот —
я увозил в края туюю,
где даже стлани не расцвет,
что горчичности натуря
не поминала ни слов, ни смх,
я ради дела лез на шкуру,
но и тебе не пощади!

Что жизнь моя
порой путана
без смысла —
как в тайге река,
что не бывало
в ней прилива
и не предвещало пона.

3
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

4
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

5
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

6
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

7
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

8
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

9
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

10
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

11
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

12
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

13
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

14
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

15
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!

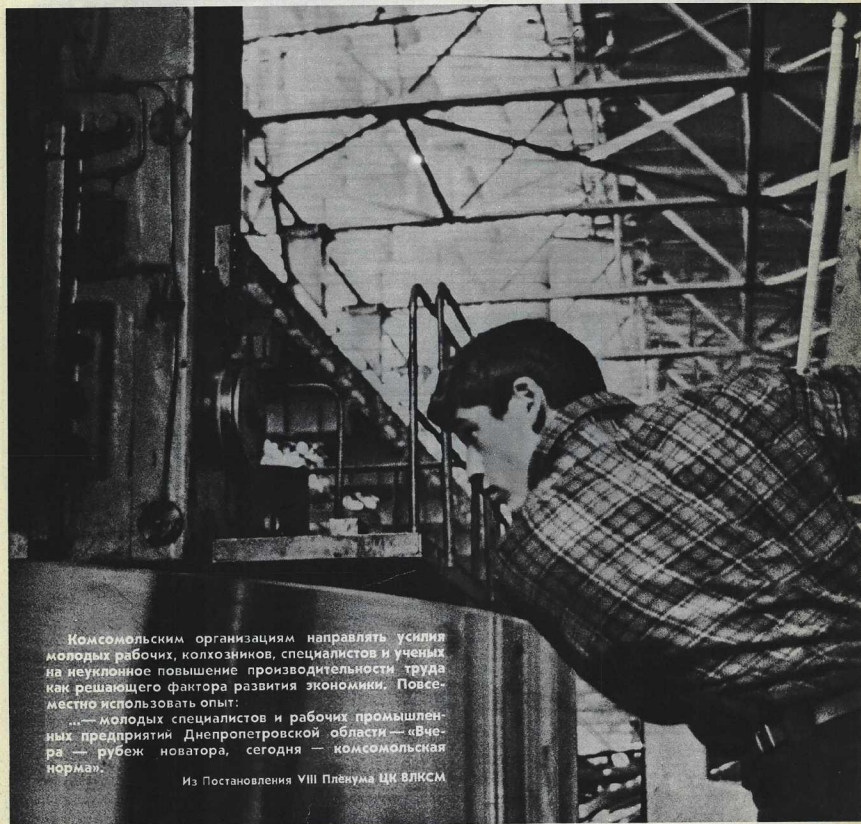
16
Вот почему и не в обиде,
что жизнь уходит в окоем...
А дальше как!
А там, ушлим,
ушлим, асех покинем!



Рисунки Михаила ПАЛЮСА

РИТМ

Год решающий, ударный!



Комсомольским организациям направлять усилия молодых рабочих, колхозников, специалистов и ученых на неуклонное повышение производительности труда как решающего фактора развития экономики. Повсеместно использовать опыт:

...— молодых специалистов и рабочих промышленных предприятий Днепропетровской области — «Вчера — рубеж новатора, сегодня — комсомольская норма».

Из Постановления VIII Пленума ЦК ВЛКСМ

С директором
Днепропетровского
агрегатного завода
Николаем Александровичем
ВАХРУШЕВЫМ
беседует
специальный корреспондент
«Смена»
Леонид ПЛЕШАКОВ

Днепропетровскому агрегатному заводу не занимать известности. В первом году пятилетия коллектив завода превыполнил плановое задание по росту производительности труда, а во втором сумел поднять ее еще на 10,5 процента. Здесь значительно снижались текучесть кадров, достигнуты высокие экономические показатели. Сейчас агрегатный отряд уже готовую продукцию потребителю с заводской ритмичностью: за 33 процента месячной реализации в первой и второй декадах, 34 процента — в третьей. Для предприятий, где не взяты армьи, ритм 33—33—34 представляется формулой истинного благополучия.

Три года назад комсомолы и молодежь агрегатного выступили активными инициаторами движения за повышение производительности труда. Под лозунгом: «Сегодня — рубель новатора, завтра — комсомольская норма». Три года — срок не маленький для того, чтобы не только проверить жизнеспособность начинания, но и выявить каковы экономические эффективность соревнований, насколько грамотной и продуманной оказалась его формула. Почти агрегатного была подержана сначала соседями — заводом Красногвардейского района Днепропетровска, потом другими предприятиями города и области. В него включились не только молодые, но и кадровые рабочие агрегатного...

Теперь опыт агрегатного рекомендовано использовать всем комсомольским организациям страны. Выдвинулся его девиз, но суть осталась прежней. О том, как комсомолы завода шли к этому почину, и будет наш рассказ.

— Сначала, Николай Александрович, хотелось бы вам рассказать о предосторожности почину. Ведь в до движения «Сегодня — рубель новатора, завтра — комсомольская норма» комсомолы и молодежь агрегатного завода участвовали в различных начинаниях. Отчего же возникла необходимость именно в такого рода соревновании?

— Само собой разумеется, наш почин возник не сразу и не в полном месте. Хотя официальная датой его рождения можно считать июнь 1970 года, когда на заводской комсомольской конференции, посвященной XVII съезду ВЛКСМ, было решено развернуть среди молодых рабочих агрегатного соревнование «Сегодня — рубель новатора, завтра — комсомольская норма», нужно признать, что план мы к нему, искали его формулу уже года три-четыре.

В чем его смысл? Повысить производительность труда на каждом рабочем месте. Но разве конкурсы мастеров, соревнования по профессиям за обладание сложными специальными движениями («Ни одного отскочного радом», «Пятиметру — за четыре года» и многие другие, в которых принимало активное участие рабочее наше заводо, — разве они не служили все той же цели...

И тем не менее наши комсомолы ринули, что этого недостаточно...

— Каждое из вышеизложенных начинаний и даже все они, вместе взятые, не могли охватить комплекс проблем, которые обуславливают повышение производительности труда.

Например, почин горожанки «Ни одного отскочного радом» в принципе преследует благородную и важную цель. Но в условиях нашего завода экономический эффект этого движения практически неощутим. Из всей огромной армии рабочих агрегатного только сорок человек не выполняют нормы. Или конкурсы мастеров. В этих соревнованиях участвуют в основном только передовики, тот, кто является победителем. Основная же масса рабочих остается в стороне.

Анализируя все эти факты, мы обратили внимание еще на одно, можно сказать, парадоксальное обстоятельство. Дело в том, что процент выполнения норм вовсе не характеризует истинную производительность рабочего, так как процент этот выводится по фактически отработанному времени, а сколько дней в месяц было отпущено производителю, не имеет значения. В инструментальном цеху производятся такие же мелкие инструменты и до конца месяца на заводе, естественно, не работает. Тем не менее выполнение нормы у него за этот месяц составляет 145 процентов. Переоценил!

Пусть правдоподобный пример — исключение, зато сплошь и рядом расчет выполнения норм и обязательства ведется по фактически отработанному времени, а не по тому, сколько в данном месяце было календарных рабочих дней.

Выбравшая условия нового соревнования, мы старались не повторять ошибок прежних почин и в то же время стремились сохранить рациональное зерно, которое в этих починах было.

Разработка этих условий оказалась совсем не простым делом. Сколько полудно ушло на то, чтобы вывесить все «за» и «против», выработать материально-сформированные стимулы движения, повысить его экономический эффект, прикупить, каких затрат потребует, как и когда их опрашивать. В общем, почин был провозглашен в июне 1970 года, окончательные же условия были утверждены только в ноябре. А началось соревнование с первого января 1971 года.

— Николай Александрович, не совсем понятно, почему разработка условий соревнования потребовала столько времени. Ведь задача почина была явственно и сформулирована сразу, так что разработать, что можно не потребовалось никаких поправок.

— Мы как-то подчас: если каждый молодой рабочий доведет свою производительность до уровня новатора, то при существующей технологии, организации производства, при современном уровне материально-технического снабжения, даже при тех недостатках, которые нами до сих пор не изжиты, — даже в этих условиях сможем повысить производительность труда рабочих в два раза. Сравните: за все это время пятиметру агрегатному запланировано повысить производительность на 50 процентов. Вот и получаются, что, если только молодые рабочие вступят в движение, а старшие, передовики, мы по производительности труда найдем на уровень 1977—1978 года. Перспектива открывалась заманчивая, ради нее стоило поработать.

Понятно, что рост мастерства — процесс сложный и долгий. Мы бесконечно совершенствуемся, и получалось, что они шли к своей высокой квалификации лет по 15—20. Нас эти сроки не устраивали. Хотелось их значительно сократить. И мы pensamos, что, если замотивировать человека не только предпринять, но и сами работать. Высокая квалификация дает человеку уверенность в самом себе, сознание полноты и необходимости его труда обществу. Это повышает надежность, а его жизнь. Ведь не случайно передовики редко находят место работы, дорожат честию предприятия...

— Все это так. Но согласитесь, Николай Александрович, что отставание молодых чаще всего обусловлено все-таки объективными причинами: недостатком опыта, недостатком знаний, полученных в техническом училище. А тут еще отходы в организации труда. Короче, нужно время (может быть, как раз те самые 15—20 лет), чтобы все понять, все научиться.

— Верно. Но почти всегда есть возможность устранить эти объективные причины, сократить сроки, необходимые для приобретения опыта. Можно ведь два, неделю биться над какой-то деталью и выложить сию минуту все, что вы знаете, и проработать. А можно просто спросить у соседа, более опытного рабочего, какую использовать оправку при обработке, как лучше заправить и заточить резец. Удается на эту работу минута. Но в результате как работает высококлассный токарь, фрезеровщик, шлифовщик. Инструмент, заготовки разложены в строгом порядке, заранее проточены к работе. Никаких хлипень движений, все рационально. Смотри и перенимай. Зачем изобретать велосипед?

— Но тогда участникам нашего движения обязательно должны быть и ветераны-новаторы. Кто-то ведь должен передавать опыт.

— Так и есть.

— А как это удалось сделать?

— Начали с самого простого. В каждом цехе административная комиссия проработала и комсомольские организации устанавливали прогрессивных рублев выработки по каждой профессии, беря за основу достижения новатора или среднюю месячную выработку нескольких передовиков рабочих, достигших высших результатов. Этот рубель, определенный в норму часа, становился для всех участников движения по данной профессии третьим, высшей ступенью соревнования, целью, которую нужно было достичь.

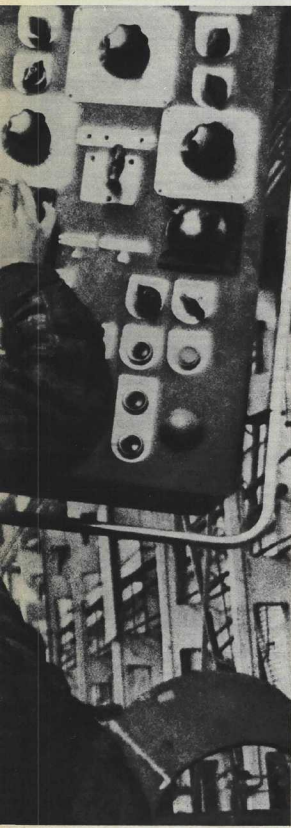
Первую, низшую, ступень определяли по специально разработанной на заводе методике. Тут учитывался месячный фонд рабочего времени, уже достигнутый каждым соревнующимся, и этот фонд поменяли норму в планировочном цеху заданно по росту производительности труда.

— Как это выглядит практически?

— Допустим, в IV квартале предыдущего года молодой рабочий в среднем выполнял нормы на 110 процентов, заданно по росту при условии, если ему установлено пять процентов, а рабочих дней в текущем месяце — двадцать два (продолжительность смены 8 часов). Значит, первая ступень для этого комсомольца будет равна — $22 \times 8 \times 1,10 \times 1,05 = 203,3$ норма-часа.

Вторая ступень — это среднее арифметическое между первой и третьей.

Таким образом, можно было рассчитать и днев-



РАССКАЗ



ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

Он решительно отставил мешавшие ему стулья и присел на угол стола.

— Давайте знакомиться. Дубровский, Венямиин Владиславович, директор картины.

В комнате сделалось сразу тесно. Запало трубочным табакон, одеколоном и кожей. Летчик внимательно оглядел директора и медленно подал руку.

— Чикашвили, Реваз Илларионович.

— Как, как? Чикашвили! Это совершенно и категорически невозможно! Согласен на любую половину: или Чика, или Шванли, Идет!

— Хорошо, — сказал летчик, — я тоже согласен на половину.

— Ну и порядок! — сказал директор. — А теперь не будем терять времени зря. — Дубровский уселся поудобнее, громко пошел лую трубку с изображением Мефистофела на чубуке и начал: — Наша лента посвящается современнику. Главный герой — и жец, и швец, и на дуде игрец, и вообще ужасно пожелательно разносторонний парень. Он совершает открытия в науке, что-то там изобретает и ко всему еще наводит летать в аэроплане. Вот тут-то, Чика, нам без тебя не обойтись. Нужен такой пилотаж на Яке, после которого у командования возникает сомнение, кого посылать на челнокет мира — заведомого героя Никонова или нашего главного героя! Но главный герой занят наукой больше, чем авиацией, и так далее. Впрочем, и тебе это уже отношение не имеет. Твое дело — дать пилотажа, да такой, чтобы публика стонала от переживаний. Съёмочные дни будут оглавлены по высшей ставке. На титрах напишем: «Пилотажа в исполнении такого-то». Вот все. Вопросы, заявления, пожелания имеюте? — И Дубровский принялся заряжать своего Мефистофеля.

— Один вопрос у меня есть, — сказал Чикашвили, — сценарий прочесть можно?

— Если охота, можно, но я бы на твоём месте не стал зря времени тратить. Сценарий как сценарий — на правлю не потянет. Я и на своем-то месте до конца этого бред не осилил. Еще заявления есть!

— Нет.

— Пожелания?

— Есть. Слезь, пожалуйста, со стола, Дуб. Ты большой и врвзвеш, а он маленький и скрипит. Развалится...

— Ва-а, ты обиделся на Чичу?

— Почему обиделся? Мы же договорились: ты берешь мою половину, я — твою...

Дубровский хотел сказать что-то еще, но в комнату вошел режиссер фильма Габэ Николаевич Зарудный. Представился, коротко взглянул на летчика, мимолетом сказал директору картины:

— Займись размещением, Венья. Нам дают две палатки, но этого, по-моему, мало. Иди, а мы пока поговорим с Ревазом Илларионовичем. Иди!

Как-то сразу уменьшились в габаритах, Дубровский исчез.

— Курите! — спросил Зарудный.

— Нет, — сказал Чикашвили.

— А мне разрешите?

— Разрешу, тем более, что ваш директор надымил без разрешения.

— Ради Бога, не принимайте его всерьез. В принципе он не так плох, правда, непременно хочет казаться самым главным.

— Этого многие хотят, — усмехнулся Чикашвили.

— Вот сценарий, — сказал Зарудный. — Сценарий мог быть лучше. Но план, обстоятельства и ряд других соображений заставляют брать то, что есть. Вероятно, придется импровизировать по ходу дела. Прочтите. Все, что захотите высказать, прошу. Мои главные пожелания к вам — нужно снять захватывающий пилотажа. Время — четыре минуты. Сможете?

— Постарюсь, — сказал Чикашвили. — Только учтите: одно дело — выдать пилотажа и совсем другое — снять его на пленку...

Зарудный насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Я видел много авантюрических фильмов, в большинстве случаев маневрирующую машину снимают с параллельно летящего самолета. Так проще, но тогда исчезает ощущение скорости и сглаживается эффект присутствия...

— Пилотажа можно показать с точки зрения постороннего наблюдателя — один вариант. С точки зрения летчика, находящегося в машине, — другой вариант. С точки зрения, условно выбранной на земле. Я хотел бы знать, какого эффекта вы хотите добиться?

— Дорогой Реваз Илларионович, все, о чем вы говорите, очень любопытно. Но тут надо думать... Скажите, а летчик может посмотреть на себя как бы со стороны?

— Если нужно, сможет.

— Великолепно! Завтра я познакомяю вас с Евгением Михайловичем Баркиным, нашим главным оператором. Выберите точку зрения, снимте эпизод так, как не снимал никто, — прежде всего его работу. А мне хотелось бы поговорить с вами после того, как вы прочитаете сценарий. Только откровенно.

— Хорошо, — сказал Чикашин, — сегодня же прочту сценарий.
— Главного героя играт Алеша Кабаков, — сказал Зарудный, — он зайдет к вам. Не откажите в любезности, покажите себя.
— Что покажать? — не понял Чикашин.
— Сбы. Не удаляйтесь. Атеру очень важно поглядеть на человека, которого вы видите, то, что он будет изображать первый раз в жизни. Не беспокойтесь, Леша не станет вас копировать. Но атмосфера, характер, рисунок — без этого ему ничего не сделать...

Он еще не проснулся, когда пришел Кабаков. В жизни он выглядел совсем не так, как сейчас. Кабаков казался старше и проща. И не было в его лице такой зряной жестокости, заранее заданного мужества. И глаза у него были усталые. И рот очерчивали тоненькие вертикальные морщинки.
— Кабаков, — сказал актер, — лучше называйте меня Алексеем или, если хотите, Лешей. Ужасно не люблю своей цирковой фамилии... У кобра — Кабаков-эксцентрик, куластик и вырост! — неожиданно выкрикнул он тоненьким смывшим голосом и стал действительно похож на коверного.

Чикашин засмеялся.
— Похоже? — спросил Кабаков.
— Очевь.
— Ну вот, — сказал Кабаков, — я же говорил. Будет начинать?
— Пожалуйте. Я готов. Спрашивайте, что вас интересует.
— Вы давно летаете?
— Четырнадцатый год.
— Вы летчик-инструктор?
— Да.
— Вы сами выбрали это авиацию?
— Как сказать... Сначала, конечно, рекомендовали, потом назначили. Я спорил, мне дали немножко по лапам. Пришлось смириться. Потом привык и теперь уже к тому нигуда убежать.
— Летать вы, конечно, любите. А чего вы не любите?
— Не люблю! Например, когда грода хлопает дверью, не люблю.
— Еще.
— Не люблю, когда садятся на стол, особенно без приглашения.
— Держу пари на сто тысяч людров, вы уже общались с Дубровским.

Угадал!
— Угадали.
— Вы его согнали со стола?
— Разем согнал, я его попросил.
— Зачем Иларинови, не деликатнее с ним, иначе он не только на стол, но голову съедет. С ним надо просто: «Пошел вон!» Он сразу уйдет. И не обидится. Он привык.

— Спасибо, уту, — сказал Чикашин.
— А в карты вы играете? — спросил Кабаков.
— Конечно. Времени нет. Да и обстановка у нас не очень располагает.
— Чтнвать?
— Странный вопрос. Или я, по-вашему, дресированная обезьяна! Маймуна на Сузуми!
— Вы меня не поняли, я имел в виду, что вы предпочтете читать, какую литературу жулате.
— Не выкручиваете, Алеша. Я вижу, что психологию изучает. Вот когда приходит ко мне новый курсант, смотрю на него и пытаюсь угадать, что за человек, чего ждет. Задю вопросы и не столаю слушать, что он отвечает, обращаю внимание на выражение лица, движение рук, прислушиваюсь к интонациям. Говорить правильные вещи мне все с детства приучили... Ваш любимый герой! Чтнать! Какие черты характера в человеке вы цените выше всего? Смысл, справедливость и честность!

Кабаков даже присматривался.
— Слушайте, Реваз Иларинови, вы же артист! Вы же играете готовый зюд!
— Не знаю, Алеша, не знаю. Вам виднее. Характер определяется не словами — поступками, действием. Вот вы задаете вопросы, а для чего? Хотите узнать, что я собою представляю? Не узнаете. И можете быть уверены, я постараюсь подать себя лучше, помпозитичнее, чем на самом деле. Слетайте со мной, посмотрите, как я с курсантами обращаюсь, в гости приходите... Тогда, помимо того, кое-что и полюбите.
— Только на словах, — сказал Кабаков, — когда слетаете?
— Хотите завтра, хотите позпозже.
— Завтра с утра вас Баркан в оборот возьмет. Замучает.
— Почему замучает?
— А он такой! Дотошный. Сто раз заставит повторить одно и то же, мало расскажет — показать и нарисовать. И когда вы будете окончательно уверены, что все ясно, тут только выскитесь: у Женн возникли сомнения. Но оператор он, конечно, божьей милостью, такого творю на студии нет.

Прогноз Кабакова оказался точным. Четыре часа подряд баркан крутил в руках модели самолетов и спрашивал, и спрашивал, и спрашивал... Его очень заинтересовали рассуждения Чикашина об эффекте присутствия и выборе точки зрения.
— Значит, если мы поставим камеру на уровне лица летчика и объектив направим вперед, строго по линии полета, то зритель увидит небо глазами pilota. Так! Но при этом он не увидит своего летчика... Но мы можем в следующем полете повернуть камеру на сто восемьдесят градусов и посмотреть на летчика со стороны.
— Вы что хотите, чтобы Кабаков выучился летать за три дня? — спросил Чикашин.

— Один — ноль в вашу пользу. Слушайте, Чикашин, а в бы лично заставил играть главного героя вас. Чт? Молодой! Молодой! Красивый! Красивый. Интеллектуальный! Вопле!
— А что скажет режиссер?
— Он, конечно, скажет нет...
— А что скажу я?
— Точно не знаю, но скорее всего тоже не захотите...
К обеду они наметили предварительный план. Когда Зарудный выслушал главног оператора, то только за голову схватился.

— Эженчик, вы рехнулись! Это же тысяча метров пленки! Кто позволит! Нет-нет-нет! Держите, изобретайте, но в пределах разумного. Триста метров — и помните мою доброту...

После обеда подготовили двухместную тренировочную машину. Приехал Кабаков. Он был одет в голубой просторный комбинзон, вдоль и поперек

раскосоно расчоренный застежками «молния». Кабаков поздоровался с Чикашиным и сказал:

— Вот привыкну к одежке. Готов облетываться.
— Пошли, — сказал Чикашин, покосившись на сногсшибательный комбинзон Кабакова.

Стоило им двигаться вдоль самолетной стоянки, как Чикашин сразу огметил: у Кабакова даже походка изменилась и с собой он какой-то другой сделался — уверенный, начальственный.

Когда Чикашин и Кабаков поравнялись с самолетом, темник, готовивший машину и полет, на комасе-то мгновенно растерпал: кому долдывать! И прежде чем Чикашин успел прийти ему на помощь, Кабаков великолепным взмахом тонких засмешных перчаток дал понять, что долдывать вообще не надо. Дескать, все мы тут свои, все доверяем друг другу, к чертам формальности и полету так читался этот небрежный короткий взмах.
— Ну, Алексей Георгиевич, — сказал Чикашин, — вам генералов играте.
— А что! Играт и генералов.

Кабакова Чикашин облетал аккуратно. Непорочно, плавно, почти без перегрузок выполнил с десктом фигуру. Непорочно и спросил по перегрузочному устройству:

— Как самочувствие, как впечатления?
— Великолепно. Восторг! Я бы в летчик пошел, пусть меня научат.
Вторым Чикашин облетывал Баркана. Оператор удивля Реваз Иларино-новича еще на земле. Совершенно профессиональным жестом скрещенных рук Баркан уверенно замкнул парашют за плечи и без посторонней помощи, всплую застегнул замок подвесной системы. И в кабину забрался чересчур прохладно.

Валетли. На высоте метров в пятьсот Чикашин заложил правый вираж. Это был не такой изящный, мелкий вираж, какой он за десять минут до того демонстрировал Кабакову. Левая плоскость уперлась в землю, правая — чертила небо и полет! И левый локатор резко бамбал по горизонту. Перегрузка окутывала давила на грудь и плечи. И сразу Чикашин почувствовал: Баркан мягко держится за управление, держится со знанием дела и порядка. И тогда Чикашин на мгновение бросил руку. Саманя опустила нос и начала зарываться в землю, сорировал правильно: чуткою уменьшил крен и слегка нажал на правую педаль.

Чикашин ничего не сказал. Он пилюватор в полную силу, точно так, как сам бы пилюватор за инспектором или старшим проверяющим.
Привалился, зарулим. Первым на землю прыгнул Чикашин, следом — Баркан. Евгений Илларович немного победил, но держался молодцом.

Откуда-то появился Дубровский.
— Ну как, Эженчик, это тебе не был пип? Это же издалека выключил директор! — Изумился, небось, все как нику?
Вспомнив совет Кабакова, Чикашин сказал беззлобно, но вполне определенно:

— Не путайся под ногами, Дуб. Если хочешь слетать, распуская ламии, втискивайся в парашют, а не хочешь, так чеши отсюда.
И Дубровский тихо исрча.

Чикашин обнял Баркана за плечи, отвел в сторону и спросил:

— На чем летает?
— Петербиль.
— Почему списали?
— Медицина плюс характер.
— Давно?
— Шесть лет.

И они уехали на траве и начали размахивать руками, изображая ладонями летящие самолеты.

Режиссер и ассистенты сутелились около ангара. Здесь были снимать несколько мелких эпизодов и две массовки. Курсанты, выряженные в праздничные комбинзоны, релетировали проходы и построения. На пустой бочке сидел Кабаков и наблюдал за всем происходящим на летном поле. Чикашин и Баркан разговорились.

Потом Баркан позвали: надо было устанавливать камеры и пробовать свет.

Чикашин остался лежать на траве. Он кусал травинку и не заметил, как подошел Кабаков.
— Не помешаю, Реваз Иларинови?
— Нет. Присаживайтесь, Алеша.
— Что вы сейчас делали?
— Думал.
— Можно списали, о чем?
— Пытался представить себе, как буду лететь по заданию вашего оператора. У нас это называется — проигрывать полет.
— Прогривать! Интересно. Значит, вы тоже проигрываете, играте, вкюдите в это?

— А что?
— Вы женаты, Реваз Иларинови?
— Женат.
— И жена называет вас Реваз?
— Нет. Доля меня зовут Ревоз.
— Резо, — строго сказал Кабаков. — Резо, — повторил он мысленно. — Резо-Резо-Резо, — произнес, сарказно. — Очевь хорошо звучит — Резо, — с совершеном образом интонацией тихо выдохнул актер.

— Если нравится, можете называть меня так.
— Спасибо, — сказал Кабаков. — Вот я смотрю на вас, Резо, и думаю: прочный вы, должно быть, человек. И цену себе знаете. И, неверно, не позволите всякому деруку помять собой...
— Ну, это как сказать. Обстоятельства бывают и последние нас.

— Здесь, на земле. А вы, в воздухе? — И Кабаков ткнул пальцем вверх.
— И там обстоятельства могут оказаться сильнее меня. Только скорее всего, если так случится, то случится только один, последний раз. Алеша, и с вами, с вашим, с вашим намерением тему: — Да, а еще утром хотел сказать: прочел сценарий!

— Ну и как?
— Не завидую вам.
— Развесьте авиационная клеюка?
— Нет. С точки зрения авиации все смотрится довольно коррентно. А вот

земля выглядит много хуже. Конфликт дурочковатый. И ваш главный герой все время ломится в открытые двери. Неужели нужно доказывать: работать хорошо лучше, чем работать плохо? Ботологический сценарий... — А лично я люблю — стресс! Кабаков...

— Что значит «личный план»? Так не бывает: работа отдельно, взаимоотношения отдельно. В жизни все переплетается, все слесывается... — Ты говорил Зарудному!

— Нет. — Но скиснешь? — Вряд ли. Это не мое дело. Меня наняли отлетать кусочек, и я отлетаю. Тем более, что ваш Зарудный, наверное, не глупее меня и прекрасно понимает, что за чья...

— Каким занятием полюбил, и Чикавини почувствовал себя ленивым. — Ты не хочешь слышать, не принимаю к сердцу. Я кто? Дилетант, радостой зритель.

— В tomto и до чего — зритель! А для кого мы работаем, если не для зрителя? Намеешь, кто должен сыграть, чтобы зритель смеялся и плакал или смотрел и хохотал, как прилюдный, а потом ушел из кино и целый год вспоминал картину...

— Почти все съемки пилотажа Баркан вел с земли. Он установил длиннофокусную аппаратуру на тридцатиметровой вышке. От вышки в две стороны, будто тонкие тараканьи усы, простирались прямые белые линии. В зависимости от положения солнца Чикавини заходил вдоль одного или вдоль другого уса. Пилотировал на малой высоте либо «на вышуху», либо «от вышки». Он выписывал вранья, принимая камеру за центр круга, по которому вертелась его машина, и старался сделать так, чтобы круг из самого минимального...

Потом Баркан поставил аппарат в юзмерке пилотской кабины, и Чикавини, включая аппаратуру, фиксировал положение неба и земли на фоне азбучного вышнего пилотажа. На этом Баркан не успокоился и заставил Чикавини захватываться на летательном аппарате. Часть съемок Баркан промазал со второго самолета, сопровождавшего Чикавини на заданной. Но это была самая меньшая часть...

— Зарудный негодовал: — Эмме, вы расстреляли! Как мы ступили пленку! Вы же не воздушный парад снимаете, и вы же не дублет снимаете! — Ну, что вы, Глеб Николаевич, заплели: пленка, пленка. Подумайшь, пленка! Спешит...

Чикавини порядком уже надоели съемки. Каждый день наблюдал он удивительную, на его взгляд, бесполованную на азбучном поведении, учу невода, часами лодки сползались из угла в угол без всякого дела, постоянно кто-то что-то упал, вечно чего-то не хватало, все нервничали, никто ничего толком не знал.

Чикавини делательно, расторопным, полным самым оптимистическим надеждою, как будто, кричал, кричал, кричал, и минуты не стоял на месте. Зарудный лет себя по-разному. Иногда бывал не просто выдержан, но даже галантен, особенно с актрисами, иногда же ругался, как старый боцман, и терроризировал окружающих мелочными придираками. Правда, с Чикавини Зарудный раскислялся всегда приватно и подчеркнуто уважительно.

Спокойнее всех держал себя Кабаков. Свои актерские обязанности он исполнял, казалось, без всякого напряжения. И когда Зарудный кричал в рупор «Стоп! Аплод!» — ты приходишь, слышишь аплодирование, слышишь аплодирование. Еще раз пруди два шага вправо и влево! голову выше!», — Кабаков понималось и безостановочно повторял все сначала.

Баркан работал островеанно. На съёмочной площадке появлялся раньше всех. Обегая машины, целился камерой в небо, гляделся в лица людей и что-то расспрашивал, приседал, вставал. Ассесоры полжили не бесконечно. И невозможно было понять, слушает он Зарудного или только делает вид, что слушает. На замечания режиссера отвечал всегда одинаково:

- Понто...
- Съёмки прекратились, как гроза, — сразу.
- Зарудный величло поблагодарил Чикавини, Дубровский дал расплестись в замечие от имени, приносящая двадцать ятлого на студию, получить по ведомости. Пропуск выпустить.
- Лучше переведите по почте.
- Вольному воля, — сказал Дубровский. — Будет сделано. Жди приглашения на просмотр. А пока ордувай, как говарят в Париже.

- Ты мне еще понаблюдись, реваз Илларионович, побесконю. Ладно? — Пожалуйста, — сказал Чикавини и крепко пожал жесткую ладонь Баркана.
- Кабаков в последние дни съёмки Чикавини не видел. Но то передавал письма через Зарудного и общался обязательно позвать его в гости.
- Деньги перевели. Заонить никто не звонил, на просмотр не звани, в гости — тоже.

Чикавини летал, учил летать молодых, все реже вспоминал о своем приобщении к миру искусства. Желал только одного: почему оборвался ниточка, связавшая его было с Кабаковым. Кабаков ему полюбил. Месячек через восемь кто-то показал Чикавини снимки в газете. «Фильм не удался... Обидный просчет талантливого режиссера Зарудного... Когда изначальная правда не составляет основы литературного сценария, нельзя ждать ничего, даже от такого мастера кино, как Кабаков... Общая явля обязательная... Кабаков...» Все это вместе называлось: «Современнику кино не повезло».

Заметка Чикавини не удивила и там более не расстроила. Просто лишний раз напомнила о его причастности. И он подумал тогда: «А все-таки странно, что Баркан не позвонил». Прошло еще с полгода. И Чикавини получил письмо. Конверт был казенный, без марки, со штемпелем Дома кино. В конверте лежал пригласительный билет на просмотр двух новых документальных фильмов и заграничной карточки авиабилета. Билете была сделана пометка от руки: «Ильич реваз Илларионович обладатель авиабилета». Общая явля обязательная, — попорно прошу вас быть. Ждем. Подписи Чикавини не разобрал.

Оля, жена, читала в тот вечер лекцию своим заказчикам и пойти в Дом кино не могла, пригласить кого-нибудь из приятелей Чикавини не стал и отпросился в Одессу.

Он не очень радужный, что его пригласили, почему о нем вдруг вспоминали, просто решил посмотреть «Адаму из Монако» да и сам Дом тоже.

Чикавини вошел в герберов минут за пять до начала просмотра. Зрители

уже таянулись в зал. Многие на ходу приветствовали друг друга. Чикавини узнал мелнхушину в фойе Самойлов, ему показалось, что около колонию докуривал сигарету Беталов. Многие пропыль толпой, обрызгали, очень знакомый человек. Но кто он, реваз Илларионович так и не вспомнил. Человек осторожно, осторожно, осторожно, как будто боялся расплестись сановитости, талант, значительность союзного масштаба.

Зал был полным. И Чикавини присел на приставной стул в конце прохода, шагнув налево, по микрофону и непринужденно обратился к залу:

— Дорогие друзья! Кто мы собираемся показать вам сегодня, не указывается в каком-либо предвещании. Вы увидите три новые ленты, но не увидите ни одного нового имени! Хотя одна маленькая неожиданность для вас приготовлена. Первую ленту, предлагаемую вашему вниманию, сделал всеми силами стараясь и удачливый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана от начала и до конца самостоительно и единолично, в жанре, для него совершенно несовременном. Баркан сиял не художественный, а документальный ролик. Надеюсь, что столь авторитетное собрание отнесется с пониманием и снисхождением к его творчеству.

— Договоритесь ведишему не дали. Из зала кто-то выкрикнул: — Ясно! Зритель покатился!

— Вот именно, — легко согласился седой, выжужженный мужичке и сделал знак ладонью начинать.

Покаг стал.

На экране возникло цветное, очень яркое небо. Облака, нарядные и пушистые, медленно вращались по кругу. Тревожно, приглушено и отдаленно пели электронные инструменты.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Это было здорово синим, и зрители зааплодировали.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

В это слышались стел щелкающей лод метрону.

Зал было здорово синим, и зрители зааплодировали.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

Вспомнилась обстановка. И камера медленно пошла вперед. Экран стал прозрачным синим, и только в центре его белево дохлато летящего самолета, молниевидно раскритую корочку хлопка или далакрий разрыв зенитного снаряда. Музыка оборвалась. Исчезло небо. Во весь экран смотрели теперь жинички и улавливаемый оператор Евгений Михайлович Баркан. Жизнь сделана и черными. В глубине карего глота отразилась облака, небо.

“ГДЕ ОГНЬ ГОРИТ НЕУГАСИМЫЙ”...



траной, «где огни горят неугасимы», пейзаж Азербайджанский русский землепоседец Афанасий Никитин; при всей святости «Холдешиа за три моря» он не смог удержаться, чтобы хоть изобразить не уюмянуть о нежданном чуде — выразившись вепной земли и висящих в воздухе пылающих факелов.

В поселке Сурахама от плоской, как гора, аперированной земли поднимаются в небо зубчатые стены Атегиза — храма огнепоклонников. По пыльным, каменистым дорожкам стелался к нему некогда паломники из Йеджа, Арамии, Персии. В конце прошлого века экологической древней обреченности племени зарисовал Беренгати.

Сейчас здесь вновь заживают лишь для туристов. Проехать же к древнему храму можно лишь на Буке. Страны проследочных дорог не суще-

ствует. Атегиза замкнут колдобом буровых дымок, а с каждым годом оно становится ячею в сетку.

Когда я вышел о поездке в Азербайджан, то прежде всего вспоминаю это место. Двадцатый век именуется веком войн и самым фантастическим новейшим. Даже Нефтяные Камни — город, возведенный на море (в бурю волны захлестывают стальные стелы, составляющие вертикаль), долгие и порой жабот наше воображение. Видимо, чтобы обойти рамках эпохи, нужно увидеть прошлое и настоящее — предметам так тесно, как это случилось в Сурахаме. Там все заставляет задуматься о беге времени, о темпах развития мира, в котором мы живем.

«Чтобы понять поэта, надо войти на его родине», — писал Гете. Не посетив Азербайджана, не почувствовав стремительных ритмов его бытия, и никогда не смогла бы осмыслить особенности творчества его художников, динамичный напор и интеллектуальную сопереживательность молодого искусства Беренгати.

Помог мне в этом молодой бакинский живописец Кямаз Ахмедов, картина которого «На своей земле» привлекла мое внимание еще на московской, посвященной 50-летию образования СССР, выставке. Земля занимала почти все пространственное поле полотна. Вскрешая, она уходила валь, отнесенная лишь узкой полоской неба, растянулась до горизонта. Ни гор, ни рек, ни деревьев — черная, маслянистая, недарая, она лоплохла жезленую силу.

Я расспрашивала Ахмедова о том, как возникла замысел полотна «На своей земле», но художник мне не вылезал, разговор в номере гостиницы не вылезал, и тогда я спросила покачать мне то место, где он задумывал и решил картину.

Приготовленная ехать за город, а пропала всего несколько километров. «Здесь? Здесь? У ворот Старой Крепости, у Дюрда ириваншахов? Первое чувство — ступенчатое недоумение. Потом пришла ясность. Современность и история сталкивались здесь так же, как в Сурахаме.

Рядом с аркой крепости был вход в метро, узкие старинные улочки вливались в широкие асфальтированные проспекты, а стелы минератов в голубом небе соседствовали с железным кружком нефтяных вышек.

В замечном обдаке города родилось ощущение мезоэпохи, движущей жизни. И становится ясной задача, которую ставит перед собой многие молодые художники Азербайджана: сопоставляя прошлое и настоящее, заглянуть в то, что возникает сегодня, — в будущее.

Об этом стремлении свидетельствуют все жанры творчества молодых азербайджанских художников, даже пейзаж. Природный вид, городской или индустриальный, он всегда проникут уверенным и радостным приятным современным бытия. Энергий трудовых и жизненных ритмов, духом созидания, равнодушным вниманием к вечной красоте мира зелени деревьев, серебряной пене прибор, строгой и четкой сложности заметившей водостоя. Пейзаж додается эмоционально сложным, неоднозначным, не рассчитанным на легкое восприятие. Границы художественного мышления разлиты, и тут ассоциация становится ключом шире того, что непосредственно заключено в пространстве холста.

Даже такой внешне обычный и непритязательный пейзаж, как «Старый город» Назива Бабаевой, несет немалую «подтекстовую» нагрузку. Рыжая земля, остро и резко контрастирующая с осветленной синевой моря, с залатыми солнечным

светом глинобитными мазалками, кажется олицетворением неизменно многоцветья «Старого города» и изобретности красок — суть художничества замысла.

«Одно дело, когда просто ищет с интуитивными поисками Конаваский» — Это дело главным образом физиологическое. Совсем другое в тех случаях, когда постигает природу в тесном и постигнуто природы и тачею — мазалками и азербайджанские пейзажи. И хотя порой субъективна восприятия преобладает у них над непосредственностью явления и прерывания в целом их произведения поточны и многозначны. Живописцы хотят слить воедино чувство и сознание, философию и поэзию.

Торжественно-натягивающая строгая размерность «Ханского дворца» Агаби Ибрагимова. В испрах серебряно-голубого синия, в геометрической завершенности и искусстве никак не спиче азия и переукит, галереи и ротонды. Организованность и выписанность предметов первого плана как бы отступают глубинно открывающегося за ними неба.

Гими чуду, сотворенному руками безвестных мастеров? Не только. Засыла в типично расвета Дюрда ириваншахов — «незыблмая» крепость. И в то же время он, словно излучающий внутренний свет, кажется готовым к фрезии, и вольным трансформациям. Красота не есть что-то данное раз и навсегда — так читается картина, в каждой эпохе ее воспринимают заново и по-новому, она воплощает в себе эволюционное стремление к совершенству, неуспокоенности творческого духа.

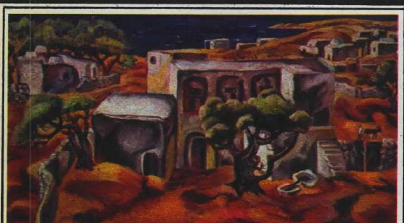
Еще более четко и прямо она больше выражена в полотне Азама Бабаева «Старик и город». Неподдаку от водножья крепости, скривив на колени, болящий, нагруженный в руки, слят старый человек — амфитером набрався ло холмам вверх, поднимается его город — Баку.

Неподвижный человек и движущийся город — как передать их общность, их нерасторжимую связь? У живописца свои средства. В полотне Бабаева доминирует оловянистый, материально-плотный цвет, декоративно нарядный и вместе с тем ассоциативный с тоном необожженной глины, такой характерной для бакинских строений прошлых веков. Они словно выделены из одного материала, старый человек и старый город. И ничь в вышине, близ неба, этот цвет размытается светлостью серебряно-голубоватых новейших венчал столицу.

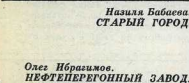
«Ты горд ралости моей, возмашен и тобой. Умираю ты невожатый наш Касий голубой», — писал о Баку Расул Раа. Духовно-эмоциональную атмосферу жизни народа, когда огураживающая действительность организмовно возмашет человека, — это и старается передать в своих работах бакинские пейзажисты.

В повествовании о меняющиеся обиде видя рождается притягательная — о судьбах человеческих. Вальте вместе, произведения молодых азербайджанских художников — своеобразная метафизическая летопись нашего времени. Даже безлюдные пейзажи свидетельствуют о невидимом, но автентичном присутствии человека.

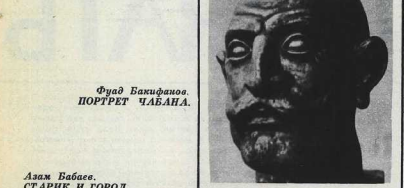
На созидание горного хребта вырастают буровые установки, у подножья его ступятся длинная черная лента шоссе («Горы Шубаль» Рафиа Аббасова). И в случае пражания эпохи или поверхностью понимаемая «машинерия», но мирное орудие мирных людей, утверждение воли человека к труду и к добру.



Назлия Бабаева.
СТАРЫЙ ГОРОД.



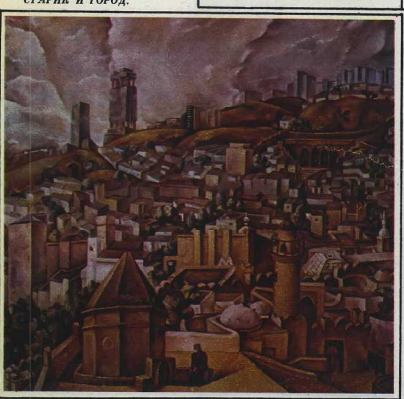
Олег Ибрагимов.
НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ ЗАВОД.



Фаяд Бахтияров.
ПОРТРЕТ ЧАБАНА.



Азам Бабаев.
СТАРИК И ГОРОД.



Как вскрыть социальный и гуманистический смысл труда, его роль в формировании человеческой личности? Гигантский отягощенный пластический образцовый персонаж изводит Олег Ибрагимов. Алмай пламенеет налиты трубы, разноцветные феерверками вспыхивают летящие по воздуху ниспадающие, золотым и пурпурными полосами стелется по небу дым. Люди в сравнении с заводом кажутся совсем маленькими. И все же именно они — главные в структуре, являются социальным и логическим центром холста. Они расширяются металлом и огнем, поведуют им.

Ибрагимов пишет динамично, напряженно, использует интенсивные, насыщенные тона, влияние цвета. Он стремится к эмоциональному воздействию на зрителя. Эпюр Ашервов обращается к его рациональному знанию, к разуму. Его «Оргин Апперома» скуп по композиционным приемам, освещен по цвету — почти все — это затененные огромные стальные трубы. Но задача у обоих художников одна — они посвящают не производящего себя на себе, а управляющего им человека, его волю, его энтузиазм.

Трое рабочих, в короткую минуту переходящих стоище подне нефтяных артерий Апперома, исполняют значительные мысли, чувства собственного достоинства и гордости. Каждый из них думает о своем, но все вместе они — тот рабочий класс, что создал революцию и поднял могучую индустрию. Рабочий класс Страны Советов.

Сходные задачи решают и молодые азербайджанские скульпторы. Каждый из них работает по-своему. У каждого свой творческий почерк. Кавказ Надажафов своеобразно тяготеет к строгой композиции, сосредоточенности формы, вбирающей в себя многообразие человеческих условий, — искренен и поточен мим его героев. Фуада Бакифанава привлекают люди необычные, внешне характерные, но генерализируют отдельные их черты, придает им острую экспрессивность. Но все же в этой разнообразности есть определенное внутреннее единство: оно и в кристальных изоморфизмах художественных средств (портреты молодых азербайджанских вателей характерны именно своей лаконичностью) и в статическом языке. И прежде всего — в живой человеческой заинтересованности в своих персонажах. Коворд словами Бакифанава: «В постоянном желании «режимки» чертами вывести наружу все то, что таится внутри того человека и что, быть может, составляет тайну для него самого».

Художественные поиски молодых азербайджанских мастеров неотрывны от их социального стремления. Они стараются показать людей не в бытовой заурядности каждодневных мелких поступков, но через героизм труда, через основное в их отношении к миру. Они зачастую уходят от психологической конкретности индивидуумов, им важно создать типичный образ современника, «социологический». Это «сказываются» даже в наименованиях: «Современник» и «Нефтяник» называют свои работы Надажафов. «Портрет чабана» — Бакифанава.

Ощущение душевного героизма, творческой высоты, которая творит чудеса преобразования мира, свойственно всему азербайджанскому искусству. На Нефтяном Каминге (ингда их называют более романтично — Островом семи кораблей) и видела мозаичное панно Ибрагима Бейлава — памятник индустриальным вателям морской нефти, погибшим во имя человеческого благодеяния; в Бакинском художественном

музее — картину Таира Салахова «Тебе, культуристу!» — две десятилетия в космосе физики, несущие солидарность. Эти произведения создаются вразумительно и объективно социальными, энергичными, которые организуют изобразительное искусство республики, придает ему неповторимость.

Молодые художники начали семидесятых годов продолжают начатые мастерами старшего поколения: Саттаров, Бакифанава и Салаховым, Тогрулом Нараманбаевым, Расимом Бабаевым. И одновременно привносят в него свойственное только им: своеобразие современности и творческих задач.

Продолवाल «земное притяжение» молочной бытия, молодые художники стараются обратиться только к современным сторонам жизни, их ролем иронически философско-социальными раздумьями о мире и о месте человека в нем. Для того, чтобы эти раздумья были обоснованы, имели реальный фундамент, необходимы глубокие знания действительности. И в приобщении этих знаний большинству действовало в ролем им оказали ЦК ЛКСМ Азербайджана.

Молодых художников командировали на ударные комсомольские стройки, в колхозы, совхозы, воинские части, на заводы и фабрики, врозь за пределы республики: перед Всесоюзной молодежной выставкой азербайджанские живописцы выезжали в Днепропетровскую, Тюменскую область, на Самотворские нефтяные месторождения.

«Сам по себе я никогда не понал бы на такую стройку, если бы не дурачат время Комсомола Азербайджана художник Али Вердиев... Не угадал бы такого размаха. Впрочем, главное даже не в этом. Это увидев, я словно вырвался из обычного, устоявшегося круга интересов, забот и волнений, приоритеты для меня многообразнее действительности».

В произведениях молодых азербайджанцев редко встретишь узость, домашнюю ограниченность, незначительность масштаба. «Стрель, удерживающая в форме» (так определял творчество Пришвина) открытоверна у них серьезным, ответственным отношением к жизни. Лучшими из своих произведений они признают работы, к активному самостоятельному раздумью, утверждают настоящее, смотрят в будущее. Ощущение будущего, как и ощущение настоящего, и скульптур, в настроения людей, изображенных ими.

Неповторимы митования жизни. Тает в небе серо-белое звездное дыма — это проносится по узкоколейке поезд. Торопится к своим станкам рабочие — идет смена. Мы не знаем, как это происходит, а как в замечательном, но негодном: новые впечатления вытесняют прежнее. Художники не дают их забыть, напоминают, как разнообразна и ширела жизнь, как многогранно создающееся ее ядро.

Я размышляла об этом в день отъезда из Баку, бродя по улицам, еще не раскаявшись в своем несогласии со своим взглядом. Именно такими, словно умными голубым воздухом и светом, воссоздала их в картине «Дым над нефтью» молодой живописец Чингиз Алиев. Смотрела на людские многообразие, заливающие их светлые просторы, думала о чуде жизни, о том, какое великое дело совершает человек, и как удивительно она же. И какую чудную задачу поставил перед собой в год Всесоюзного фестиваля советской молодежи молодой азербайджанский художник, помогающий современнику не потерять ощущение высоты жизни, ее большой правды.

Алексей АСОКОВ

Построение у директора Челябинского транспортного объединения Алексея Назова было сложное. Стол завален заказами, всем нужен транспорт, а где есть столько машин. А тут еще шокеры прищип. Прок машин — две недели. Твердят, что их неск каково-то НОУ.

— Вот что, друзья, — остановил гостей директор, когда те, вондя, заговорили все разом: — Корренто объясните, что это у вас за НОУ такое и зачем вам машина.

Вперед подтолкнул Сашу Борисова. Дескать, ты старший, тебе и речь держать.

— НОУ — это такое общество учащихся. Здесь мы под руководством преподавателя и студентов педагогического института делаем первые шаги в науке, приобретаем в научном исследовании. — Поимая иронический взгляд Андреева, Саша понял, что официальный доклад не получается. И тогда он вдруг заговорил горячо и сбивчиво: — Понимаете, в чем дело, ходим мы в школу, изучаем науку. Знаю, нужно это все, но мало. Иногда до такой степени, что становится скучно. А наше НОУ — это как раз то, что надо.

Живая наука, живое дело, пусть даже в мизерных дозах. У нас двери открыты для каждого старшеклассника. Приходи, работай, пробуй себя. Полтора десятка секций: биологии, математики, физики... Например, мы геологи. А знаете, какие у нас руководители! Они из педагогического института. Сколько они тратят на нас времени! А ведь им никто не мешает, и ни копеечки они за это не получают. Сборник у нас выходит «Юный исследователь». Вы не думайте, что это все игрушки. Вот посмотрите последний номер. Наши ребята — это просто безобразно! Совершенно прелесть анализ почвы. Они же по заказу Дальневосточного пароходства сделали работу по защите судов от



ИНСТИТУТУ
ТРЕБУЮТСЯ
ТАЛАНТЫ

А. Д. СЫСОВЕВ,
профессор

Вопрос о том, как я отношусь к НОУ, мне задавали много раз, как в газетах, так в географии. Тогда, помню, я ответил: никак. Дело новое, покажем — увидим. Я, конечно, ждал этого корабля большого плаванья, но многолетний педагогический и жизненный опыт научил меня смотреть на подобные новшества с разумной долей скептицизма. Тем приятнее констатировать теперь: опыт удался блестяще.

Ребята у нас дружные, увлеченные, о том, что им интересно, свидетельствуют сотни страниц отчетов. Сегодня посещение занятий секции. Лето, что нас — пора экспедиций, сбора материалов. Зимой материал обрабатывается, ребята оформляют интересные научные работы. И в завершение — обязательные конкурсы на лучшую работу.

У меня на столе лежит несколько работ, пред-

С ЧЕГО
НАЧИНАЕТСЯ
РОДИНА

А. И. АЛЕКСАНДРОВ,
заслуженный
учитель школы
РСФСР

Два года я руковожу филалом исторической секции научного общества учащихся в школе № 10. Имевш ли мы право называть себя научным обществом? Итого: работы дано полное основание сказать: «да».

Результаты работы — с одной стороны, приобретенные старшеклассниками навыки научно-исследовательской работы, интерес и преданность, самостоятельность суждений. С другой стороны, это конкретный вклад в науку.

Материалы, собранные нашими исследователями, мы передаем Центральному музею Вооруженных Сил в Музей Военно-Морского Флота, Военно-Воздушного флота. Во всех этих научных учреждениях созданы фонды, которые они называются научными фондами.

Тема гражданской войны на Южном Урале изучена, но как выясняется, недостаточно. Так, например, во многих монографиях вы встретите примерно такую фразу: «в конце 1917 года на Южный Урал прибывает северный отряд имени Павлова... Что это за отряд? Кто его послал? Из кого он состоял? Его действия на Урале! Об

коррозии. У нас, геологов, тоже есть кое-что интересное. Мы работаем по заданию Уральского территориального геологического управления. Составляем геологические карты, обираем пробой пород, проводим их геохимический анализ. А машина нам вот для чего нужна. Есть идея: устроить автопарк для нашей геологической экспедиции по маршруту академика Ферсмана. Хотим провести самые тщательные геологические исследования тех мест на Урале, где побывала экспедиция Ферсмана. Потом сравним наши результаты с сохранившимися описаниями и выводами академии. Прошло около тридцати лет, должна быть масса данных для сопоставления и выводов.

В итоге директор выделил ребятам машину. Ни за какой не за безаналитичный расчет, а просто так, в порядке шестой помощи.

Вот теперь, когда сейчас было рассказано, типично и одновременно не типично. То, что производственные, общественные, партийные и комсомольские организации города всем, чем только можно, помогают НОУ — это факт, с некоторых пор норма. НОУ приобрело в Челябинске сейчас такую популярность, что почти все горожане если не знают подробностей, то наверняка слышали о нем. Особенно после того, как местные газеты на первом полосе разместили сообщения о присуждении премии Ленинского комсомола Челябинскому государственному педагогическому институту и городскому Дворцу пионеров и школьников. Поэтому наведение директора транспортного объединения — явление исключительное.

История НОУ началась не с удачного изобретения новой формы внешкольных занятий со старшеклассниками. Будь оно так, ничего нового и интересного, кроме оригинального названия, все это не имело бы. События развивались иначе. Поначалу, как и везде, были школьные кружки. Дно пио-

неров, олимпиады в городских вузах. Кто-то предложил придать всему этому некую логическую завершенность, провести городской смотр юных талантов, в который входил бы комплекс массовых олимпиад, соревнований и конкурсов среди старшеклассников города по различным отраслям знаний. Результаты опыта превзошли самые оптимистичные ожидания. И вот тут, когда стало ясно, что старые организационные рамки кружков и олимпиад тесны, рождается НОУ.

В Челябинском педагогическом институте проходит специальный партийное собрание, на котором совместно с комитетом комсомола обсуждается идея создания НОУ. Стай идея целью заседания учений своего института. Идею не просто одобрили, ею буквально загорелись. Так было создано НОУ — научное общество учащихся.

Соблю вопросов сразу возникли? Решения принимать в секции НОУ всех порядков. Из организационных способностей, и не beszélующих тьювоник, и отличников, и двоечников. Способности? Они не всегда на виду, до них следует порой докапываться. Многолетним теперь уже советом НОУ подтверждает это. И двояки оказались происходящими.

Формировались и совершенствовались организационная схема НОУ. Во главе — совет кураторов, куда входят профессора, доценты педагогического института. Совет кураторов — орган совещания с советом и делом. Общество обретает свои традиции. Среди них, например, проведение дней науки, техники и искусства. Они проходят сначала в школах города, потом в сельских школах, куда выезжают бригады НОУ.

Школа — семья — НОУ. Это треугольник формировалось постепенно. Нельзя сказать, чтобы мучительно в ней и не всегда гладко. Из организованных превращался энтузиазм, хлопоты. Школа должна была сделать шаг навстречу НОУ. И тут у кого-

то из директоров школ выразилось: «А зачем нам нужны ребята, плодотворной будет принимать институт? Разумеется, автор этих слов получил достойную отповедь. Но филиалы НОУ, которые вскоре стали зарождаться в школах, обогнали вверенное ему учреждение.

Семья в лице родителей всегда отреагировала всеобщим восторгом. Корни этого восторга, как выяснилось, оказались различными. Часть родителей восприняла НОУ не иначе как бесплатные курсы по подготовке в институт. Когда эти родители разобрались, в чем дело, восторг сменился разочарованием. Однако ребята уже вступились...

А в большинстве своем родители правильно выразились в том, что достигли единственного результата. Свидетельств чудесных перемен в семье своих уже великовозрастных детисх стали они. Частенько с отцом отчаившимся родителями ланьше справлялись традиционные: «Облутуши, ребята, чем не интересуешься. Когда начавши разговоры о научном обществе, пожимали плечами: дескать, какое уж там призвание! Но призвание подобно зернышку, оно не дает покоя на пыльной, искосуженной дороге. Лишь погнав на питательную почву, оно может вырасти в колос.

Что это за питательная почва? Как заронить искру интереса в сознание пятнадцатилетнего человека, будь то инженер, будь то предприниматель, путешественник или работник культуры? Да и положить руку на сердце, оправдывая ли результаты деятельности научного общества те большие надежды, которые возлагали на него поначалу?

Я испускал вопросы по поводу бюрократии. А потом просто спросил руководителей секций, студентов, аспирантов, преподавателей Челябинского педагогического института ответить на один-единственный вопрос: что они думают о НОУ? Вот некоторые из их ответов.



ставленным на конкурс в прошлом году. Ребята выполнили задание в кратчайшие сроки. Они исследовали минеральные источники, расположенные близ Челябинска. В результате поисков выяснилось, что за последние годы из 11 источников, действовавших ранее, осталось только 5, да и те в оскудели почти полностью. Установлены причины. В одном случаях виной тому был неправильный вид подземной воды наружу, а другим — запалы бульдозерами при строительстве здания, засорение. Посмотрели бы вы, как горячие рассадники ребята на это. Девятиклассница Т. Медведева сделала об этом доклад на научной конференции НОУ. Исследование привлекло внимание общественности, доклад был передан по городскому радио. Были приняты меры по реставрации источников.

этом в печати ничего не сообщалось. Мы решили восстановить историю этого отвращения.

Выяснилось, что отравление ушло девять года. Выяснилось, что отравил мимима Павлова был послан на Южный Урал по прямому указанию В. И. Ленина. Ребята ездили в Свердловск, беседовали с участниками похода, работали в архиве, библиотеке, над старыми газетами. Галя Савурова, у которой отец жевальдером, угрожала взять ее с собой в Ленинград. Там она развела жену Павлова, беседовала с ней, собрала интересный материал. После она призналась: «Я только сейчас поняла по-настоящему, что такое история».

Патризм — чувство многообразное. В нем любовь к родным местам, где родился и вырос; где живешь, к своему городу, селу. От любви к родным местам и родной природе проистекает любовь к стране, к своему народу. Михаил Иванович Калинин подчеркивал: «Все мы должны воспитаны патриотизмом. Но ведь это воспитание начинается с углубленного познания своей Родины».

Вот еще пример. Просматривая как-то матери-

Очень важно научить ребят анализировать события, предметы, факты. Это воспитывается не сразу. Умение видеть необычное в обычном, приобретается постепенно, порой незаметно. Вкус радости научного творчества, молодой человек жаждет открытий, пусть микроскопических, но непременно открытий. Когда речь идет о географии, то воображение обычно рисует белые пятна на карте, глухие, нехоженые таежные тропы. А необычное рядом, вокруг нас. Доказать это оказалось несложно. Несколько минут езды на автобусе в Ленинск в городском бору. Почему сосны, которые здесь растут, так причудливо изогнуты, так непохожи на своих стройных сестер? Этим заинтересовался езд Петр, когда однажды увидел в архиве в ставл деревенской сумки другого, прозавставшего рядом. Необычно явление по-

любопытство, которое не покинуло его и в настоящее время. Под фотографией была краткая надпись: «10-й яхта с делегацией моряков подводной лодки «Челябинский комсомолец». Фотография заинтересовала. Что это за лодка? Почему она носит такое название? И правдива ли поставила перед собой задачу самим ответить на эти вопросы.

Понадобились четыре года поисков, переписка более чем с двадцатью городами, поездки в Ленинск, в военно-морской архив, работа над архивными документами обком комсомола, просмотр сотен экземпляров газет периода войны.

Краткая история подводной лодки. В 1943 году молодежь области начала сбор средств на строительство боевых кораблей военно-морского флота. За несколько месяцев было собрано 50 миллионов рублей. В компании по сбору средств отличился и учащийся нашей школы. На собранные средства были построены несколько подводных лодок, одна из которых получила имя «Челябинский комсомолец».

будило его к изданию указа о «ратриетах» (редкости). Позднее царем была основана акустикомедель [музей].

После окончания исторического экскурса ребята с жаром занялись за работу. Выяснилось, что причины неправильного роста сосны вызваны механическими повреждениями и естественными изменениями условий роста. Много интересного узнали и обобиди ребята.

Многому ли научились ребята в НОУ? Безусловно, многому. И как бы там ни говорили, что НОУ не ставит своей целью подготовку в институт, такая подготовка, конечно, вполне возможна. Многие подготовились. Бывшие члены нашей секции поступают, как правило, в институт не естественно-географический факультет. Обычно это талантливые ребята.

Действуя в составе Северного флота, подлодка «Челябинский комсомолец» потопила 7 вражеских транспортных кораблей.

Одними пришла мысль, что подводная лодка как универсальная списана на слом. Отгорно это ребята. Иду у кого-то возникла идея, просить Министерство обороны одной из новых лодок присвоить имя «Челябинский комсомолец», чтобы крепить и развивали славные традиции периода Отечественной войны. Но своим предложением мы обратились в обком ВЛКСМ. Не поддержали. По ходатайству обкома одной из новых океанских подводных лодок как поощрение за успешное выполнение заданий командования присвоено имя «Челябинский комсомолец». Мало того, принято решение, что лучшим призывникам нашей области предоставляется право проходить службу на этой подводной лодке.

Репетиции не прекращались. Дружба моряков и школьников много лет. Не одно поколение старшеклассников в процессе этих мероприятий прошло школу воспитания подлинного советского патриотизма.

Леонид ЛУГИНИН,
Виктор САКК (фото)



ГОЛЛАНДИЯ ПО СВИФТУ...

В обiline этой «второй столицы» государства меньше всего заметны черты Голландии. Проходя по улицам и улочкам Гагта мимо мурaveйников университетов и величавых стовов минарeзданий, мимо банков и особняков, путешественнику трудно точно определить страну, где он находится: Дания, ФРГ, Бельгия! Почти своеобразия — официальной Гагге далеко до Амстердама — города почти сотни островов и пяти сотен мостов, до Роттердама, где пахнет океаном, до экзотического Флоренда. Это чинная обитель международных конгрессов и совещаний, город дипломатических приемов. Правда, к услугам туристов величественные холмы Маурричса. Мауррич — городок после амстердамского Рейнскуэвума музей Голландии. Его коллекция отличается от традиционных больших собраний. Мауррич до сих пор сохраняет оплот своего происхождения — его родоначальником был «художественный кабинет» принца Йоганна-Морица

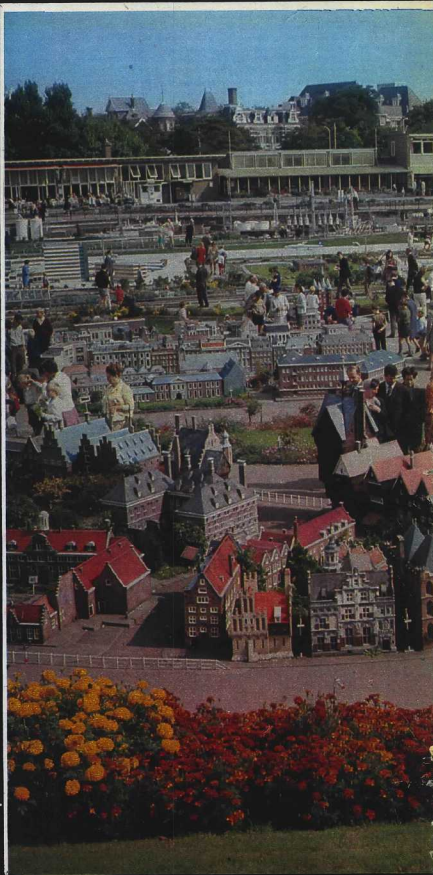
Нассу-Зигенского. Как во всяком частном «кабинете», здесь собраны только шедевры. Рембрандт представлен «Анатомия доктора Тульпия», «Принцесса во храме», «Давидом и Саулом», Хальс — «Муниципальный портрет», Вермеер — «Видом города Дельфта».

Бесчисленные голландские «даммы» — это плотины, дамбы. Поэтому Амстердам — это город, стоящий у дамбы на реке Амстел. Так вот, в Гагге, как в русской материи, есть еще один «дамм» — маленький город, который вы, естественно, не найдете ни на одной географической карте.

Вначале небольшая историческая справка из путеводителя.

...Это было в 1940 году. Немецкие танковые колонны стремительно вторглись в страну. Война была очень короткой.

Юный голландец Жорж Ланонель Мадуро в те дни командовал взводом. 10 мая во главе отряда такой же зеленой молодежи, как он сам,



Жорж атаковал немцев у реки Флит и заставил в плен вражеских солдат. Он погиб позже в концлагере Дахау и был посмертно награжден рыцарским дипломом.

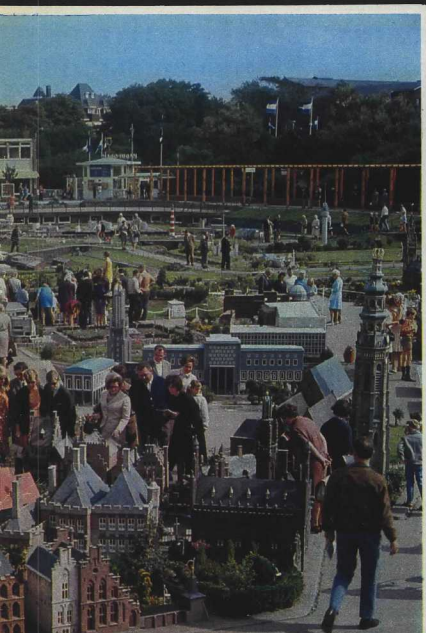
Конечно, ныне, много лет спустя после бива второй мировой войны, эпитет этот кажется незачинчивым. Но одновременно можно оценить храбрость юного голландца и сейчас. В мае 1940 года фашистские полчища казались непобедимыми. Перед ними складывали оружие не только батальоны и полки, но и цолые армии. А тут всего-навсего взвод...

Одному вернулся к путеводителю. Жорж Ланонель был единственным сыном у супругов Мадуро. Они очень хотели увековечить его память. Но

как! И ответ был найден, удивительный ответ... Памятником смельчачу должен стать новый город!

Так сродни бесчисленным голландским «даммам» в 1932 году появился еще один — Мадуродам. Он не только не напоминает ни одного своего голландского родственника, но и не похож ни на один город мира. Юный голландец обогдел в течение часа здесь страну взрослых, а взрослым на час вернется в чудесную страну детства.

По улице Харингдаме вы подошли к ограде Мадуродама, купили входной билет и, переступив незримую границу, превратились в «Гулдестра». Перед вами Голландия в 10% своей величии. Будьте осторожны: не за-



денею лентом древнюю крепость XV века, не повредите носком ботинка доподлинно XVII столетия, не раздадите «бомб-747».

А вот и Гаага, замок Биннехоф, рядом с которым примостился совсем крошотный Мауритцседе, который вы только что повидали. Сам замок сейчас едва достигает до вашей груди. Когда вы находились у настоящего Биннехофа, он был тих и безлюден. Перед подъездом же этого стоит крошотная золотая карета и почтовый караул. Детишки вокруг замерли: сейчас распахнется парадный подъезд и поедет королева-мать. Но королева — это происходит всего один раз в год; в третий четверг сентября, когда после летних каникул от-

крывается парламент — Генеральные штаты Нидерландов.

Перед вами еще одна хорошая знаменка — роттердамская Башня Евростат. Ее высота — четыреста футов. Мадуродимские гулливеры почти достигают до ее ресторана, расположенного, напомню, на уровне трехсот сорока двух футов. Ну, а чуть-чуть наклонившись, можно взглянуть и в знаменитую рубку, свисающую с корабля и урванувшую где-то посередине башни.

Так вы и обойдете за час-полтора всю Голландию: Утрехт и Лонден, Амстердам и Дельфт, Гарлем и Роттердам. Вы увидите все дворцы и музеи, фермы и каналы, памятники и аэропорты, церкви и гавани. Перед

вами словно раскроют энциклопедию, но познакомит на одну другую. Они оперируют не цифрами и фактами, она обращается не к вашей памяти, а к фантазии. Ее авторы хорошо знают, что с детства у вас сохранилась любовь и интерес к сказкам.

Конечно, не надо думать, что в копилку поворота буквально вся страна. Мадуродам знакомит только с достопримечательностями Голландии. Но знакомит с ювелирными украшениями: столько на шпильках протестантских церквей вы увидите золотых петушков, на оных старинной ратуши — расписные напильники, всевозможные концы королевской кареты будут вести всевозможные в щастливо расшитых кимоно.

Но продолжим путешествие по Мадуродаму, то есть по Голландии. Шанс же в Гааге в Амстердам. Первое, что остановит ваше внимание, — это его воздушные ворота, знаменитый Схипхол, что в переводе означает Буга кораблей. К вострому юнги посетителя сейчас разбегается «Летучий голландец» компании KLM. Он вот-вот оторвется от земли. Но, увы, сегодня, видимо, нехотная погода, и воздушный корабль не взлетает. Зато рядом движется все, что может и должно двигаться, — это туннель влетает, прямолинейно съезжает, по ленте автомагистралей непрерывно бегут автомобили, а от пристани отчаливает теплоход. К вострому деторы кружатся карусели, взлетают камели, слышат лошади. И, конечно же, машут крыльями ветряные мельницы, хотя в воздухе нет и легчайшего дуновения ветра. Машут в отличие от своих взрослых сородичей, которые давно замерли [в Голландии около тысячи мельниц, но время их давно прошло, и только некоторые пускают для удовлетворения туристского любопытства].

Увы, в детисе Голландии, как и во взрослом, надо то и дело плавать. Вы спуститесь кочку в аэропорт, и из инитаторного музыкального зала доносится звук Баха. А рядом под его футу маршируют солдаты и позути танки (не забудьте — ведь совсем не-

подалеку, в Бельгии, военный штаб НАТО). Чуть-чуть поодаль могучие звуки органа пылаются перекрыть шарманчицу, irradiating рукоятку своего музыкального ящика.

И только церковью работает. Бесплатно.

Если вы дождетесь вечера, Мадуродам вспыхнет тысячами огнем. Засветятся она дома Рейбрандта и дома Спийноса. Забегает по улицам разномодные, irradiating рукоятку аэродром и автомагистралей, воззвы и гавани. Степенные фермеры в настоящих деревенных башмаках — миллионная выдут на прогулку, в мальчишки в фаруках стану на зянке поглядывать крошотные тольпаны [к сожалению, все 3 тысячи здешних сортеца на его нулюбах не представлены].

Новые и новые липылы появляются на вечерних улицах Мадуродама. И все новые гулливеры с побольшеством заглядывают в их фермы и дворцы, театры и музеи, старинные и банки, рынки и здания. Им приятно на два часа улететь в Голландию идилическую из Голландии отнюдь не идилической.

Игрушечный город затмевает поздно вечером.

Мадуродам изменяется, как изменяется вся страна. Если в Голландии появилось что-нибудь новое, интересное, новый экспонат появляется и в Мадуродаме [в связи с этим прошу заранее просить, если что-либо в эти заметки успело устареть]. Решение о новом строительстве выносит городское совет, в котором входят 30 советников и советниц в возрасте 14—15 лет, избираемых из школьников Гааги. Так в свое время появилась идея Схипхола, одного из крупнейших аэропортов Европы, так выросла модель мачты Евростат, поднятая над возрожденным из руин Роттердамом. Так заигра появились что-то неизвестное ни выходящим, ни сегодняшним гостям Мадуродама.

У Голландии два зеркала: одно — ее бесчисленные каналы, реки и заливы. Во второе мы заглянули с вами сегодня.



«ПРОВОТОРОВСКАЯ ИДЕЯ»



ЯДЕРНЫЕ МИШЕНИ



ОБЫДЕННЫЕ СЕНСАЦИИ

У него начинала созревать теория, которая сегодня во всем мире называется протовторской. Он же привнес своей концепции безупречную математическую форму.

Однако случалось так, что его теория на некоторое время оказалась забыта висевшей на стене, на которой разматывались катушки Баталди. Большинство физиков не придало значения работам Провоторова, не усмотрев в них возможности получения новых результатов.

Даже после того, как Провоторов защитил докторскую диссертацию, написал несколько статей и его теория стала популярной, многие все спрашивали: «А зачем это нужно?»

Неизвестно, как долго продолжалось бы такое положение, если бы новый подход к описанию известных явлений не привлек внимания молодой женщины — физика Май Родак.

Май после двух курсов одесского физфака ушла на фронт. Сначала ушла в ополчение отца, падала заваленные в окопкомат мать. Май ждала своей очереди. Еще до войны шла комплекс «ВС-2» — оборонительный стрелок... Ожидая ответа военкомата, уехала на курсы медсестер. Но медицину не любила и выпросила назначение в зенитно-артиллерийско. Так она попала в самое пекло — под Сталинград.

Потом — МГУ, после окончания — шесть лет преподавания и, наконец, научная работа в Институте радиотехники и электроники Академии наук СССР (ИРЕТ). Здесь включилась в одну из самых интересных тех современных физики — создание квантовых парамагнитных усилителей, как, как их коротко называют, лазеров.

Не будем обсуждать вопрос, может ли женщина быть хорошим физиком: в этом рядил более чем достаточно. Не будем снова ссылаться на Ковалевскую, обоих Кюри, Мейтнер, Курьюсову, Мавсевич, Ирисову — их имена неотделимы от истории науки. Наверно, Родак — серьезный теоретик, если добрая половина из выступавших на Черновицкой ассамблее в своих докладах упоминали ее работы, смелаясь на ее авторитет, окружали в первых рядах плотным косяком.

Ее теория, ставшая развитием протовторской, еще очень нова, еще так жнотренируема, что в нее входят, как в адепную воду — с опаской, но с надеждой на озвешение идей, на обновление научных взглядов.

Прагматичные детали протовторской теории зрения на свойства целого класса веществ, называемых парамагнитными веществами, Родак почувствовала, что в этом подходе тае возможности, намного более серьезные, чем обещанные общепринятыми теориями ученика Гюгера — Буурберхена и лауреатов Нобелевской премии Парселла и Паунда. Теориями прочно вошедшими во все учебники.

Еще первый вывод, полученный ею на основе нового подхода, привнес огромное впечатление бескомпромиссным развитием не только с существующими теориями, но и со всем опытом, накопленным экспериментаторами после открытия Завойского и Паунда.

Родак фактически указала на возможность получения непрерывно действующего мазера. Всем, кто хоть как-нибудь соприкасался с мазером и привык к особенности его работы, толчками, так называемый эффект спонтанно индуцированных... Сотрудники Родак, перемыта узнание об этом предсказании, отнеслись к нему с должным недоверием, но, разобравшись, поняли: так должно

быть. Вопрос лишь в том, можно ли создать условия, при которых нежданное явление станет доступным наблюдению.

Экспериментальную часть работы взял на себя младший коллега Родак, сотрудник той же лаборатории квантовой радиофизики Вадим Адарикин (тогда работа стала частью его докторской диссертации, которую он недавно блестяще защитил). Адарикин уже имел необходимый опыт в этой сложной области физического эксперимента. Он планировал, что легче достигнуть цели, воздействуя на парамагнитный кристалл импульсами радиоволн. А в промежутках между импульсами он наблюдал за поведением спектральных линий на уже знакомых нам спектральных фотографиях.

Теоретические расчеты показали, что все новые эффекты действительно должны обнаружиться и в импульсном режиме.

В области программы Черновицкой школы и симпозиума изобрели две кривые: правая — спектральная линия в виде равносторонней горы (она отражает прежний взгляд на процесс) и привходящая несимметричная гора, пересекающая горизонтальную ось под левым углом спектральной линии там, где обращены вниз стрелка указывает место, в котором на эту линию было обращен мощный импульс радиоволн. Эта картина более адекватна и истинна, чем предельная, которую иллюстрировала приглаженная гора.

Организаторы школы и симпозиума не случайно избрали эти кривые символом программы. Совершенно точно критический анализ и блестящий доказательством непонятии теории Буурберхена — Парселла — Паунда, новым торжеством советской науки. На этом протовторский подход не исчерпал, скрытых в нем возможностей. Родак и Адарикин угадали свершить еще один прорыв в еще одной устойчивой и ставшей традиционной области физики.

Теперь речь шла о важной теме эксперимента — ядерной физики, о создании так называемых поляризованных ядерных мишеней. Мишени, которые физики обстреливают пучками частиц высоких энергий, получаемых при помощи ускорителей, или пучками нейтронов, вылетающих из атомных реакторов. При этом мадер ядра атомов, образующих мишени, и пучками частиц, падающих на мишень, возникают разнообразные ядерные реакции, начиная от простых взаимодействий, при которых лишь меняется характер движения сталкивающихся частиц, до сложных реакций, сопровождающихся рождением новых элементарных частиц.

Чтобы разобраться в хаосе происходящего, нужно заранее построить ядра мишени в определенном порядке. И ученые используют для этой цели «магнитный кнут».

Но прежний метод французских ученых Абрамама и Проктора был весьма частным. Протовторская теория подсказала Родак, Адарикину и Анатолию Мефеду, молодому и еще не «остепененному» научному сотруднику, другой, более действенный путь.

Рассказываю можно считать практическим применением нового круга идей в ядерной физике. То, что теперь принято называть словом «внедрение», но не наука, гордая всякой возможностью практического применения своих результатов, на этом не останавливается.

Собранными в Черновицкой физики усматривали и о других работах советских ученых.

Председатель оргкомитета симпозиума член-

корреспондент Украинской АН М. Ф. Деген рассказал о том, как, используя двойной электрозондировочный резонанс, можно изучать свойства кристаллов и получить сведения не только о средних характеристиках исследуемого вещества, но и о судьбе о том, как эти характеристики изменяются от одного малюта участка к другому в результате его появления в них незначительных примесей — посторонних веществ, воздействия появившихся излучений или возникновения малахических дефектов кристаллической решетки.

А. В. Косинин из Московского университета и эстонский физик Э. Т. Антима рассказали о химических методах поляризации ядер и связанных с этим явлениях.

Организатор и председатель оргкомитета школы по магнитному резонансу профессор Московского физико-технического института Г. В. Скродный привнес интересный доклад об оптических методах исследования магнитного резонанса. Методах, во многих случаях превосходящих по чувствительности все остальные.

Руководитель тбилисского коллектива член-корреспондент АН Грузинской ССР Г. Р. Худияшвили чрезвычайно ясно рассказал собравшимся в Черновицком коллоквиум о развитии протовторских идей в Грузии. Тбилисская группа физиков сильна благодаря плодотворному влиянию прославленной школы грузинских математиков. Их сложные физический исследования обычно оформлены в серьезные математические аксиоматизации. Своей главной задачей в данном вопросе они сочили создание более простой математической модели явления и более простого эксперимента, облегчающего исследование.

Чрезвычайно интересное направление, в котором явление парамагнитного резонанса смыкается с акустикой, впервые развито физиками из Казани, было представлено профессором Б. И. Ковалевским.

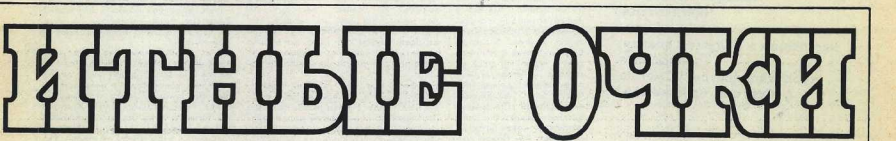
Другой мадер физик из Казани, В. А. Голенищев-Кутузов, один из потомков великого полководца, рассказал об интересных аспектах, объединяющих акустический резонанс с парамагнитными резонансами. В исследованиях этого круга вопросов, начатых казанскими физиками, они в течение ряда лет неизменно занимают ведущее место. Ведущую роль советских исследователей в парамагнитного резонанса отметили также выдающиеся зарубежные ученые, как профессора Гюгера, Буурберхена, Абрагама, французский академик, лауреат Нобелевской премии Кашпер, профессор Дювернуа из США, профессор Лестер из ГАР, и другие.

Казалось бы, «высокая материя». На она дает уже свои практические результаты. Так, одна из этих работ — авторы Родак, Адарикин, Худияшвили, Провоторов и другие — выдвинута в этом году на соискание Государственной премии СССР.

В наши дни наука достигла удивительных результатов, столь удивительных, что они подчас даже не удивляют нас.

Научные сенсации стали обыденностью, будничным высокоинтеллектуальным общением, мы привыкли к подвигам ученых, как привыкли к героическим делам шахтеров и земледельцев, металлургов и врачей.

И часто забываем о том кропотливом, ежесекундном, неустанном напряжении мысли, которые скрываются за будничной на первый взгляд работой...





ВОСПИТАНИЕ

**Размышления
заслуженного
тренера СССР
Аркадия Ивановича
ЧЕРНЫШЕВА
о прошлом,
настоящем и будущем хоккея,
записанные
корреспондентом «Смены»
Сергеем Кружковым.**

Фото Владимира ЧЕРЫШИЛИ

Если память не изменяет, это было в 1932 году. В Москву приехали хоккеисты из немецкого рабочего спортивного союза «Спортсгейте» и на стадионе «Металлург», что на Землянке, провели несколько матчей с нашей командой, составленной из мастеров русского хоккея. Я тогда был молодым футболистом, играл в одной из команд «Металлурга» и, естественно, решил посмотреть дикий новый вид спорта. Признаюсь честно, никакого впечатления новая игра не оставила. Тем более, что наши хоккеисты, несмот-

ря на то, что впервые взяли в руки длинные неудобные клюшки, легко обыграли гостей чуть ли не с двузначным счетом.

Личное знакомство состоялось несколько лет спустя, в 1937 году, когда я учился в Высшей школе тренеров. Преподавали там и канадский хоккей. И опять же он не дал ничего ни уму, ни сердцу. Играли в одной плоскости — не умели оторвать шайбу от льда, по весьма примитивной тактике, и дальше по-верхностного знакомства дело не пошло.

Первый шаг наш хоккей сделал, можно сказать, по приказу. В октябре 1946 года вышло постановление Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, в котором было утверждено положение о розыгрыше первого чемпионата СССР. Веду-

щим клубам, в том числе и нашей, динамовскому, было предложено принять участие в этом розыгрыше.

Я в то время уже выходил в тираж как действующий футболист и хоккеист, и руководители клуба поучили меня возглавить команду канадского хоккея в «Динамо». Взгляды за это дело без особого энтузиазма. Вопросы были множество, и ответ на все надо было искать только на практике.

Это теперь мальчишка, едва начав заниматься хоккеем, быстро усваивает все приемы: он видит матчи первоклассных хоккеистов, у него есть отличный пример перед глазами. А тогда, помню, мы сидели с Анатолием Тарасовым на берегу замерзшего пруда на Малом стадионе «Динамо» (сейчас на этом месте построены бассейн) и мучительно думали: как на-



СССР — КАНАДА. МАТЧ, ВО-
ВЕДШИЙ В ИСТОРИЮ.

БОЕМ

учиться отыгрывать шайбу ото льда, как вести атаку и оборону, как играть при численном большинстве — защитники в то время играли только на своей половине поля, — как действовать вратарю, какие тактические ходы можно применять в новой игре.

Сомнений было множество. Но кое-что было ясно. Я понимаю, что зрители канадского хоккея поселили в Благодатную почву, что есть и у наших игроков немало козырей: финты, привнесенные из русского хоккея, высокая скорость и маневренность, манера владения клюшкой, — эти аргументы казались весьма весомыми.

Поворотным пунктом явились встречи с чехословацкими спортсменами. В начале 1948 года в Москву приехали чемпионы Чехословакии, хоккеисты ЛТЦ («Лан-Теннис Клуб») из Праги. Мы увидели другой хок-

кей — объемный, богатый технически. Узнали мы, и что такое настоящая хоккейная экипировка — наша-то была весьма примитивной.

Сначала решили провести с гостями два закрытых матча. Были созданы три команды, причем в первую и вторую вошли не самые сильные хоккеисты. Первую составили из игроков «индивидуаллистов», вторую, наоборот, — из спортсменов, имевших вкус к коллективной игре. Первый матч наши проиграли со счетом, кажется, 11:1. Во втором проигрыш был более почетным — 11:6. Это убедило нас, что коллективные действия могут принести успех.

И вот на стадионе «Динамо» состоялся первый открытый матч нашей сборной с командой ЛТЦ. И его, ко всеобщему удивлению, мы выиграли со счетом 6:3.

Сильнейшим в чехословацкой команде считался тогда центрфорвард Забродский. Я поручил Василию Трофимову постоянно «опекать» его, как это обычно делалось в футболе и русском хоккее. И этот ход оправдался — чехословацкий хоккеист сразу почувствовал себя неуверенно, потерял его технику, снизилась эффективность. Более быстрой и выносливой Трофимов сумел не только нейтрализовать соперника, но и сам доставлял немало хлопот защите вражанин.

Во втором матче соперники, правда, нашли противоядие. Они оказали все, на что способны, и выиграли встречу со счетом 5:3.

После этого гости предложили сыграть еще один матч. Мы согласились. Закончился он боевой ничьей — 2:2.

Успех открыл нас. И в то же время открыл нам глаза на многие наши недостатки. Мы увидели наши слабости в технике — мы не владели таким арсеналом бросков, как соперники, особенно с неудобной стороны; хотя самоотверженности наших хоккеистам было не занимать, приемы силовой борьбы мы не знали. Однако мы поняли, что идем по правильному пути. Работоспособность, высокая скорость, тактическое разнообразие — в этом мы даже превосходили чехословацких хоккеистов. Поняли мы и эффективность тактики пресинга, которая зарождалась в тех матчах.

Но могли ли мы успешно играть с другими зарубежными командами? Многие чехословацкие хоккеисты говорили тогда, что нам рано еще выходить на международную арену, что

ничего, мол, мы там не добьемся. И только один Забродский сказал иначе, что с нами не так-то трудно, но, скажем, сборные Польша, ЧФГ, Дании, Норвегии, Австрии мы вполне можем победить.

В Москву же выехали трижды и я в следующем году, когда выехала в Стокгольм смотреть матчи чемпионата мира. В том турнире золотые медали завоевала сборная команда Финляндии, хотя и играла в ослабленном по сравнению с московскими подвигами составами — нездорово до первенства разбился самолет, в котором пошла часть хоккеистов хоккейного состава.

Приехав в Москву, я сделала обстоятельный доклад, главный вывод которого был: играть зарубежными соперниками можно и нужно. Мы способны встать в один ряд с сильнейшими командами мира. Однако мое мнение не поддержали, и наш доступ на мировом хоккейном чемпионате состоялся только пять лет спустя. Правда, до этого мы встречались со сильнейшими командами мира в СССР. Польша в товарищеских матчах и выигрывала у нас. Наша команда стала победительницей Всемирных студенческих игр, проходивших в 1953 году в Вене. Не играли мы только с канадцами.

В 1953 году мы с Тарасовым были в Швеции и смотрели матчи двенадцатой сборной шведской команды. Первое впечатление было достаточно хорошим. С одной стороны, игра канадцев восхитила — каждый хоккеист обладал высочайшей техникой, но я не видел клюшки, уверенно чувствовал себя на льду, знал множество силовых приемов. Но, с другой, их действия казались автентичными. Казалось, мало заботясь об обострении, они бились однообразно: забрасывали шайбы в зону нападения и навала всей командой. Но мощь ощущения тем более усилилась, когда на всех матчах соперник их побавлял, отдавал инициативу и думал лишь о защите, отвечая редкими контратаками. Сильнейшие игроки двенадцатой и они не без слабостей и сразились с ними много. Случай представлялся в следующем году на чемпионате мира.

К решающему матчу со сборной Канады мы подошли, обыграв всех соперников (в том числе и команду профессионалов — 5:2) и сделав ничью — 1:1 со шведами. Ничья эта, кстати, была весьма драматичной. Из-за сильного снегопада матч продолжался 6 периодов — играли почти на открытой площадке. Маею время проигрывали, но в конце концов сравняли счет. Снег оттаял у нас, скорость и уравнила шансы команд.

У канадцев перед встречей с нами показались более живучими. Естественно, что продолжение игры давали профессионалы хоккеистов. Для нас, дебютантов, высшим достижением считалось второе или третье место (в случае поражения нам предстояла переигровка со шведами). Но в то мы не выигрывали ни надежд, не верил никто: ни пресса — я получил в последние наши газеты, и топ спортивных зматов перед победой игрой в Стокгольме. Мистическим, — ни даже руководители делегации.

Вместе с нашей командой на первом этапе поездки в Швецию находился спортивный радиомонитор Вадим Святославич Сивяевский, с которым мы очень дружны. После матча ребята, как правило, собирались в холле, и Сивяевский, который играл на пианино (а играл он прелюдно), рассказывал множество интересных историй. Я был за это очень благодарен Сивяевскому, так как сейчас напряжение перед трудными матчами. Потом, кстати, стало традицией приглашать перед играми в

команду артистов, писателей, в числе этой традиции положил Сивяевский.

И вот после традиционной «исподлички», когда ребята уже легли спать, пошел мы с Вадимом ко мне в номер, прощаясь, и говоря, что завтра встреча с канадцами. Вадру заходит руководитель делегации Борис Васильевич Мясников и говорит: буди Борису (он был капитаном команды) и приходи с ним на бюро делегации. Это мнение (самого Мясникова и некоторых других членов бюро) признавать завтра вечером, а пока, привыкая к погоде, отвечает Мясников, что все равно нам их не одолеть. Лучше мы свежемся силы для переигровки со шведами и завоевав звание чемпионов мира.

Прогреть без боя канадцев! Не выяснит, кто же сильнее, не узнает наша сильней и слабее стороны! Нет, заявили в тердо Мясникову Боброва Бобров не стану, и на Боро не пойду, остану да только на выигрыш. Сивяевский горячо подддерживал мнение Мясникова, и в конце концов удалось убедить Бориса Васильевича. Боро было отменено.

На установке я предложил ребятам такой вариант: когда канады будут забирать шайбы, надо сразу же отходить лишь защитники и центральные нападающие. Крайние форварды располагались у синей линии. Защитники, забрав шайбу, должны немедленно адресовать ее крайним, и те сразу же устремляются в контратаку. Скажем я ребята и о том, что кто-то это не верит, а я, наоборот, уверен, что они сумеют победить.

После того, как я изложил этот план, Мясников подошел ко мне, согласился с тем, что идея хорошая, но я должен был объяснить, как предопределил в подоток большую хрустальную вазу. «Вот что, Борис Васильевич», — сказал я ему, — вазу сейчас тебе больше не выдать, но мы выигрывать, что ты исполнишь эти вазу шампанским и принесешь ко мне в номер».

Первый период матча с канадцами прошел как по нотам. Они, верные себе, сразу пошли вперед, но ребята четко выполнили установку. Первым же голами завоевали победу. Контратака, и снова — гол. Королево, период мы выиграли 4:0.

Признаюсь, а даже чуть опусался. Думаю, поймут канадцы, где собрав зарплату, перестарются — как их остановить? Но канадцы в дальнейшем так и не изменили всей тактике. Только действия стали жесткими, и это было неприятно. Но, как могло. Мы победили — 7:2, и золотые медали чемпионов мира и Европы (а также хрустальная ваза с шампанским) были вручены лучшим нападающим был признан наш капитан В. Бобров.

Обратите внимание: тактический прием, взявший меня врасплох, оказался на практике, в конкретном матче. — Мы, конечно, хотели встречаться с канадцами, но не выигрывать. Но мы продолжали относиться к нам с прощанием, считали топ проигрывать следующие победы. Но, к сожалению, преждемне неоспоримы. На следующем чемпионате мира они выиграли у нас 5:0. Счет никак не отразил силу нашей игры, а только фортуна у нас была, а завоевания хоккеистам.

Правда, на Олимпиаде 1956 года в родоанальники хоккея вновь оказывались сильнее. Впервые СССР выиграла — 2:0. К Страту, тогда на Силимских играх в Корте Д'Ампьене мы впервые применили еще одну тактику — «смерть вратаря». Сейчас пользуются много — прослед. Это было сделано в матче с США. Американский вратарь Айкела был

всегда оригинальной по тем временам мыслью. Выяснилось, что далеко вперед — наступить — надавить — значительно сокращал зону обстрела вратаря. В первом периоде мы так и не смогли их «расшатать». Тогда я и другие игроки в атаке предложили не по воротам, а... мимо дальней штанги. — А на эту передачу на высокой скорости должен устремиться вратарь, а нападающий и вратарь комбинация.

Но вернемся к канадцам. После нашего победы в 1956 году на родные хоккей стали раздаваться голоса о необходимости приглашения в команду русским свою силу, или пусть они продемонстрируют свою; — писали газеты, обращались к хоккеистам. В 1957 году, как известно, наша сборная впервые поехала в Канаду. Сборная поехала, но я остался в Москве.

Это довольно печальная спортивная история: «Выиграет команда канадцы, а мы проиграем». К сожалению, некоторые спортивные руководители считают наиболее радикальным средством «спасения» смены тренеров. Именно так произошло в 1957 году, после того, как на чемпионате мира, проходившем в Москве, мы заняли второе место. «Прогреть тренер» — и в итоге, в результате, в тренерском поехал Тарасов. Хотя я до сих пор убежден, что топ чемпионат проиграла не тренер и не хоккеисты. Просто в последние недели как лишила ничьей со шведами. Почему же мы не сумели добиться победы? Я хорошо помню, как складывался топ драматичный матч.

Первый период мы проиграли — 0:2. Вторые — постарела успокоить ребят, объяснил им их ошибки, посоветовал, как вести игру в дальнейшем. Второй период команда проиграла — наступил — ворота шведов влетели четыре шайбы.

Перед заключительной двадцатиминуткой с трудом пробился в раздалуку — там было полно народу. Выяснилось, что канады победили. И когда я попытаться восстановить поле обстановку, сказал, что игра еще не сделана, что шведы так просто не могут выиграть. Но канады улыбки присутствующим. Самостоятельность и лишила нас звания чемпионов мира.

Так что мое следущая официальная встреча с канадцами состоялась лишь через пять лет — на чемпионате мира 1961 года в Швеции. Составлялось тоже весьма неожиданно — за неделю до начала на турнир мне сообщили, что Тарасов собирается, а я вновь должен принять сборную. Не все возражения — команду я не готовил, в случае выигрыша никакой премии не было, а канады в случае проигрыша — заявили, что это вопрос решенный.

В Швейцарии мы заняли третье место, и мне стало ясно, что сборная нуждается в существенном обновлении, что ряд ветеранов уже не может вести наш хоккей вперед.

К следующему мировому первенству я готовился совершенно новой командой — выиграв чемпионат мира, ей было не суждено: по ряду не зависящих от нас причин наша сборная в Колорадо-Спрингс не поехала.

А затем начиная с 1963 года наша сборная выиграла все чемпионаты мира на чемпионатах мира и зимних олимпиадах. Эти годы с легкой руки журналистов назвали золотыми. Я не претендую на звание легенды, если только не считать его сборной СССР «легендой». Ведь каждый раз приходилось искать что-то новое, каждый раз приходилось превосходить не только соперников, но и самих себя. В наши противники не стояли на месте, они тоже шли вперед. Трудности заключались в том, что к нашим по-

бедам все привыкли, их ждали, они становились чем-то повседневным. Главным же отличием сборной СССР было, конечно, общий высокий уровень советского хоккея. За короткий срок он возмужал, обогатился техникой, так же как и канадский. Появилась своя собственная советская школа, которую стали подражать, которую стали перенимать. Из недавних примеров мы сами превратились в учителя.

Следует сказать и о тех условиях, требованиях, которые мы, тренеры (с осени 1962 по 1972 года я работал тренером с 1967 года) выдвигали на хоккеистам сборной. Приним не только к их игровым качествам, но и к человеческим. Все знает: никаких нарушений не допускались, прощания не будут. Высокая требовательность к хоккеистам, в хоккеистов к себе, чувство ответственности, постоянный поиск новых тактических путей, хорошо организованный учебно-тренировочный процесс, тщательное изучение соперников, умение работать с игроками на «бесперебойности» побед.

В течение всех этих лет (за исключением 1970—1972 годов) наша сборная перед чемпионатом мира отправлялась в турне по Канаде. За два десятилетия мы выработали свой собственный стиль игры, во многом отличный от канадского. И хотя в последние годы мы приезжали в Канаду не учениками, скорее учителями (это в первую очередь признавали сами канадцы), встреч с заокеанскими хоккеистами были для нас очень интересными. Мы только тогда, когда встречались две разные школы хоккея. В этих поездках мы могли узнать свои сильные и слабые стороны, увидеть, как играли канадцы в спичках — место и время. Поэтому мы сами и мы проверяли прежде всего не свою игру, а своих игроков. Но тех, кто достойно выдерживал напор канадцев, мы обязательно поощряли в трудную минуту.

Во время поездок по Канаде мы, естественно, смотрели матчи профессионалов. В первом таком матче, проходившем в Ванкувере в мае 1940 году, — встретились «Торонто Мейл Лифс» и «Монреаль Канадиенс». Скажу честно — я ожидал большего. Для индивидуального мастерства каждого игрока было весьма высоким. Но в целом я не увидел какого-то большого преимущества профессионалов перед нами. Побывав в затем и на тренировке «Торонто», хотел помернеть что-нибудь новое и интересное для себя. Но не смог. Мне даже показалось, что наш уровень игры превосходил их, несмотря на некоторые разочарование, игра профессионалов впечатляла. Они, конечно, полагались на индивидуальность.

Почему? Уже тогда мы с А. Тарасовым полагали, что в будущем нам придется непременно играть с профессиональными хоккеистами, что нам надо стремиться к тому, чтобы на чемпионатах мира. Да и канадская хоккейная общественность начала склоняться к мысли, что канадцы должны играть с нами. Это было трудно поддерживать престиж страны на международной арене. Хотелось нам сравнить и дав прямо противостоять им, чтобы увидеть культурных игроков, комбинационный хоккей, порожала так приямойный хоккей, который профессионалы атаковали короче. Прямой ли? Ответ на эти вопросы мы ждали от встреч с профессионалами.

Точкой такой было не представлялся в 1962 году. Мы выиграли тогда чемпионат мира. Ведущие бительских клубов и сборной страны, и канадцы не хотели отпустить нас победителями.

И вот в конце концов эти встречи состоялись: в сентябре прошлого года в Канаде и СССР прошла серия из восьми матчей. Какова же сравнительная сила канадского и советского хоккея? Что я, как тренер, почерпнул из этих встреч? Накануне сентябрьских матчей я ездил в Канаду наблюдать, специально смотрел подготовку профессионалов. На одной из пресс-конференций, на которой присутствовал и тренер канадцев Синдзи, журналисты поинтересовались: по поводу результатов предстоящих матчей. Синдзи безапелляционно заявил, что вряд ли русским удастся выиграть хотя бы одну игру.

И он ответил, что он сомневался, а том, что после этих матчей канадцы будут заинтересованы во встречах с нами больше, чем мы. «Надо из этого починить, что вам удастся победить?» — настаивали журналисты. «Вы попали правильно», — ответил я. И рад, что не ошибся.

Вот мы, можно сказать, опережили результаты этих матчей. Меня высказывали прямо противоположно. На мой взгляд, здесь важно найти золотую середину. Это — сразу, а не в процессе подготовки, ни принять грубость канадцев, их хулиганские выходы на льду. Все это глубоко чуждо советскому хоккею. И только если учесть, хотя бы мысленно, канадский профессиональный хоккей от грязи, можно увидеть то рациональное, что есть в нем.

Итак, попытаемся сравнить два школы хоккея.

В чем мы превосходили канадцев? Наши хоккеисты быстрее, выносливее, они лучше владеют шайбой — это сказывается в обводке, в передаче. Мы ведем игру в более быстром темпе, обладая лучшей подготовкой. Там, где у нас играем значительно больше игроков, мы знаем их лучше, более разнообразно. В играх наших нападающих нет стандарта, они индивидуальны в зависимости от обстановки. И больше количество заброшенных в воротах наших шайб говорит само за себя. Да и канадцы утверждают, что в тактическом отношении они уступают нам в ведении шайбы, обводке и передаче — достояние только высочайших игроков.

Но есть ряд преимуществ и у профессионалов. Мы, пожалуй, уступаем им в тактичности. Они больше точны в пасе, более точны в бросках поразительно точно. Канадцы лучше владеют борющейся, имеют неустойчивую борю при сбрасывании, имеют неустойчивое превосходство в силовых единоборствах.

Следует отметить самоотверженно-жестокое отношение профессиональных игроков: под шайбу уходят не только защитники, но и нападающие. Но главное, на мой взгляд, в том, что канадские защитники лучше организуют наступление на своей зоне. Здесь нашим игрокам обороны многому следует поучиться.

Все эти преимущества канадцев существуют, ибо обусловлены качеством хоккея в Канаде (их в Канаде свыше тысячи), обилием хоккейных школ, в которых мальчишки начинают заниматься с восьми лет, и которые работают, как говорится, «по Дарину» — выживает сильнейший. Думаю, что когда и у нас появятся достояние хоккеистов льда (а пока мы мастера), мы ликидируем отставание и в этих компонентах хоккея.

Вотковы же выходы? Если положить на наши весы все эти «протри» все наши и их достоинства, то отношение стрелки окажется весьма незначительным. Мы можем играть на равных с профессионалами, можем

и побеждать их. Это понимаю и канадцы. Для них игра нашей сборной, к которой прежде они относились снисходительно, стала откровением. Когда на рубеже ноября и старого года в Канаде состоялся динамовский матч в Канаде (в ослабленном составе мы обиграли лучшие любительские клубы, в том числе и обладателя Кубка Аллена «Галт Корнест»), то увидев в одной газете такую заметку — «хорошее в форме сборной СССР держит в руках Кубок Стенли». Как видите, канадцы считают, что по классу игроки нашей сборной не уступают на высшей трофее профессионалов.

Чем же все-таки объясняется популярность хоккея в нашей стране, почему он так быстро завоевал у нас и сердца людей?

Спорт, как и искусство, является отражением действительности. А хоккей удивительно точно отражает наш бурный, стремительный шаг вперед, все научно-технические революции. Он привлекает своим темпераментом, остротой, каледоскопической сменой ситуаций. В нем есть все, что должно быть в искусстве: быстрота, смелость, ловкость, спортивная выносливость.

Огромной популярностью хоккея способствовали и наши победы на чемпионатах мира. Телевидение донесло их во все уголки страны, и хоккем «заболели» миллионы людей. Впервые устрелявшие на трибуны, юные берут в руки шайбу, становятся на коньки, записываются в хоккейные секции.

Не считая меня, страстным, но, думаю, что хоккей в нашей стране перешел у нас в стране является спортом номер один.

На ледяной площадке нельзя играть за чужой счет, нельзя отступить — это правило только в футболе, к примеру, одной полковой — это только десять процентов команды, то в хоккее — двадцать. И стараться выиграть можно за всех, все — за одного имеет к хоккею самое непосредственное отношение.

И еще одна существенная деталь. Помните слова из популярной песни: «трус не играет в хоккей»? Они очень точно передают суть хоккея: только смелый, самоотверженный, сильный духом человек может играть в эту игру.

Думаю, что в результате встреч представителей разных школ хоккея, в результате их взаимного обогащения родится новый стиль. Это будет высочайшее искусство хоккея, очень быстрая игра. Ее главной чертой станет умение хоккеистов взаимозаменяться, выполнять те функции, какие в данной ситуации должны выполнять игроки. Сейчас даже наши лучшие игроки хорошо умеют выполнять лишь свои непосредственные обязанности — нам, к примеру, трудно представить сборную Ягулина — нападающего, а Видулова — защитника. В будущем же в командах будут играть универсалы. Их прототипами являются такие хоккеисты, как, скажем, канадцы Парк, которые все видели, или, еще в большей степени, Бобби Орр, который, к сожалению, в матчах нашей сборной не участвовал. И тот и другой одинаково хорошо себя чувствуют и в атаке и в обороне.

Этот номер «СМЭН» придет к читателям в дни, когда впереди будет проходить очередной чемпионат мира. Поэтому в заключение я хотел бы сказать, что и все советские любители спорта, иду победив наших ребят, и уверю, что они возвратят себе высокое звание чемпионов. От всей души желаю нашим ребятам победы.

«ЖУКОВСКИЙ»,

«СМЭНА» № 20, 1972

Дорогая Светлана Соложенкина, прочитай я Вашего «Жуковского». Замечательная вещь и нужная для молодежи. Огромное Вам спасибо, главное и пока за Вашу любовь и Ваську Андрейвну Жуковского не только как за замечательного поэта, но и как за писателя.

Я не poet, не исследователь и тем более не критик, а просто рядовой читатель. Но почему я люблю Жуковского? Почему я люблю и читаю только за то, что он высказывался из крепостнического рабства величайшим образом? Написал Шевченко, о другом же говорить не приходится — все равно, обреченный на смерть, он был в тюрьме на удивительно плохом в этом свету, по крайней мере несправедливо, но набрался мужества стать человеком, поэтом, художником. Какется, никто так же, как он, не мог с первого взгляда опровергнуть существование человека, увидев его только, распознать талант, в котором жила Россия. И не удивительно, что с именем Жуковского связаны биографии многих замечательных писателей России.

Василий Гатт, счастливый сын России «отдаленного Востока», вырвал из коммунизма, а именно Жуковского свою «усадьбу» — ощущение и симпатии. Почему же так несправедливо поступила история с этим человеком, отдавая роль всего лишь доброго гения для великих людей, но самого не назвав великим? Я уверен, что так думаю не только лучшие люди с высшей классами образования, крестьянские парни, а каждый, кто хоть неграмотно разбирается в литературе и искусстве.

Этот Жуковский, Василий Андреевич, дорогой наш батюшка, как сказал Андрейвну, был «всего лишь судьба историк!»

Гения Пушкина так сильно разогрели, что своим пламенем заслонил Жуковского — и не только его одного. Шевр талантливый русский поэт, но и небережливый, нечеловеческий и своему достоинству.

Для меня Жуковский был и есть отец русской литературы! Об одном только знаю, что это «скромный томика» я еще так и не смог приобрести, потому что так много хочется прочитать.

Вот и все. Еще раз Вам огромное спасибо за Василия Андреевича Жуковского, за Вашу любовь и великому сыну России!

В. КОМЕДУ,

г. Ростов-на-Дону

Редакция журнала «Смена» ознакомилась с Вашим письмом-откликом на мое эссе о В. А. Жуковском. Приятно знать, что среди читателей журнала есть люди, искренне любящие поэзию и более всего души за ее судьбу. Мне кажется, впрочем, что Вас не только интересует Жуковский, но и думал обходить в истории литературы тех, кто занимался в свое время проблемами как родоначальника романтизма, как прекраснейшего поэта... Но я, а то, что о нем написано исследователями, меньше, чем хотелось бы. Думаю, — так надо было в количестве статей. Спасибо за так наивное письмо.

С уважением

Светлана СОЛОЖЕНИКИНА.

«ЛЕВ ТОЛСТОЙ»,

«СМЭНА» № 17, 1971

Уважаемый тов. Горюховский! Вы увидели Лев Толстого со стороны, которая, я думаю, умилительно или по недоразумению, замалчивалась. Ниже в вину Толстого-человека, Толстого-художника, много недоговорного, совсем внешне страдательного. Мы видели это время и видели, как он, влюбленный и стремившийся к этому, Спасибо Вам, что Вы открыли мне глаза на Толстого, привнесли на себя, о чем я раньше не знал и не читал. Это так важно и понятно, а следовательно, подвластно и им.

Я думаю, и зарне и Матшу Ростову, которая, понимая дом во время, не могла не заметить, все признавать сить с повод на явные последние фавориты, ценящие личность Толстого, а не только по поводу ранних музиков в солдатских шинелях, но просто музиков, а людей «одного с ней корня».

Я финалом. Работая в школе, я больше уделял внимания другим сторонам образования. Все ребята класса горю, много спорили, но социальную, психологическую сторону личности Толстого я воспринял с двойным интересом: это была самозабвение и творчество, и много многогранность творчества Л. Н. Толстого.

В. ХРОМЕНКО,

г. Новоалександров, Вранской области

«ХУДОЖНИК И ХАРАКТЕР»,

«СМЭНА» № 2, 1972

Дорогая «Смена!» Считаю Вас своей первой поименницей, и вот почему. Работая преподавателем в школе, я много читал, много видел, много охотко, но современное искусство знает плохо, не люблю особенно. Но в последние годы, как говорится, «Оданди они принесли журнал «Смена» и показали заметки про саратовского художника В. Чуданова, его рисунок, работа и все равно было, что они открыли свое земляка с помощью «Смены». Я сразу же выискался и пришел охотно. Встретился так с художником.

Теперь мы решили вместе с «Сменой» и устроить «малую» выставку в школе.

С. СМОЛЯНИН,

школа № 1, г. Саратов

Повинуясь безусловному репортерскому рефлексу, я перед отъездом из Берлина в Эйзенхюттенштадт сделал выписки из двух книг, изданных в последние более чем в полстолетие. Пришлось порядочно исколот глаза об остроножую готику буквоов в пудовом словаре Бронгауза, который эстетически повествовал, что городок Фюрстенберг-на-Одере насчитывал в 1906 году 6156 жителей, имел свекрассу, пивоварню, буржуазный карьер и что заводы, которые развились на городской окраине, болись разве только как «Карманный статистический справочник ГДР» деловито информировал, что летом 1950 года на пустоши близ Фюрстенберга-на-Одере был заложен первый социалистический город республики — Эйзенхюттенштадт, с его знаменитым металлургическим комбинатом «Ост», главным предприятием сталеплавильного и сталепрокатного объединения имени Германа Матерня, и что в 1972 году выпуска этот комбинат-гигант дал один процент национального дохода ГДР.

Непуганые заводы на краю города и стала часть продукции дешевой индустриальной страны мира — согласился, контраст происходил впечатляющие, особенно если учесть, что раззолоченный Бронгауз сохранял свою непрекращаемую паровую турбину в описании тех мест вплоть до середины 1950 года.

...Лесная пена тумана клубилась над автобанами Берлин — Франкфурт-на-Одере, и там, где она лопалась, видны были сырые, унылые перелески, редкая зубчатка черепичных крыш, холмы, слаженные бесконечными дождями. Наверное, так выглядело в далекие и совсем близкие нам времена это немецкое Пошехонье по левому берегу Одера. Но уже перешагнули через автобан голые крыши электротрансформаторов и серебрились на горизонте гигантские тела газгольдеров. Приближался Эйзенхюттенштадт — металлургический город.

Пометрия расчерченные по линейке улицы, Мозаика и витражи модного ресторана «Плюкс» — чередовались с балконами, украшенными разноцветьем баллонов и лоджий, увенчанных хребтами крыш из красной черепицы. И тут же трагический шпиль Маринерире — церковь начала XV века. Весной 40-х годов в углы заложили, будто это был наш «Т-34», расстреляли прямой наводкой эсэсовцы. Позже Эйзенхюттенштадт бережно положил руины Маринерире на коинерер своего индустриального строительства — восстановили в точности и позднею готику ее облика и даже мило асимметрично этого уникального сооружения.

Не стоило ли сохранить, ну хотя бы в виде облицовки какого-нибудь помещения, ту первую сосну, которая была спилена 18 августа 1950 года на месте будущего Эйзенхюттенштадта? Немецкие друзья заводят руками: не до этого было. В ФРГ работали тогда 120 доменных печей, в ГДР — 4. Вся сырьевая база металлургии осталась на Рейне, во владениях Круппа, и Социалистическая единая партия Германии приняла на III съезде решение построить в первой пятилетке на берегах Одера металлургический завод с годовой производительностью в 1,2 миллиона тонн чугуна.

Может, ту первую корабельную сосну распилили на таблички с надписью «К строительной площадке металлургического комбината «Ост», город мой собеседник. Эти указатели вельи сюда энтузиастов в синих буках с эмблемой Союзов свободной немецкой молодежи. Разумеется, приважили и такие, у кого слова только что написанного гимна молодой республики «Восстающая из руин...» вызвали скептическую усмешку. И, уже конечно, ползли назад Эльбы недобиты, пряча динамит под шпоном белесом в чемоданах.

...На спидометре «волги» к сотне километров, накрученных от Берлина до Эйзенхюттенштадта, прибавилось еще столько же, за те два дня, что я колесил по городу и комбинату под диктовку всезнающего Хуберта Пфайфера, руководителя заводского отдела печати. «Сейчас момент» — говорил по-русски Хуберт, и мы вылезали из машины.

Пронизова эту умилительную фразу, словно магическое «Сезам, откройся!», гид ведет нас к ревущему жерлу домы — самой первой, заложенной 1 января 1951 года и задвинутой спустя 9 месяцев и 19 дней. «Обязательно загляни», — добавляет Хуберт, — что главным консультантом на строительстве и этой домы и всего комбината был знаменитый советский ученый, академик Иван Павлович Бардин...

Сейчас момент, Хуберт! Децатилетнюю историю завода не переписажь репортажной скоро-



**Дыханье молодости
слышит мир...**

Алексей ГРИГОРЬЕВ,
корреспондент ТАСС в ГДР,
специально для «Смены»

Welfestspiele
der Jugend
und Studenten

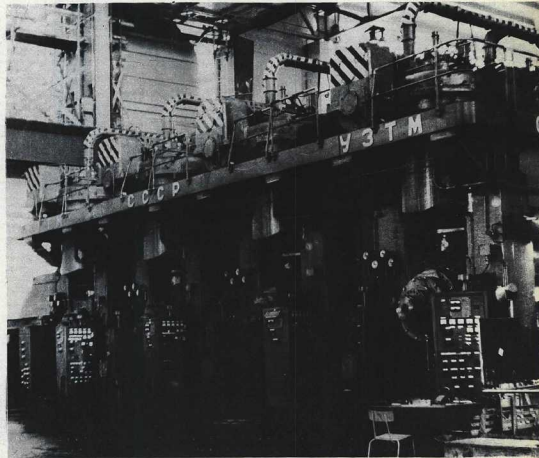


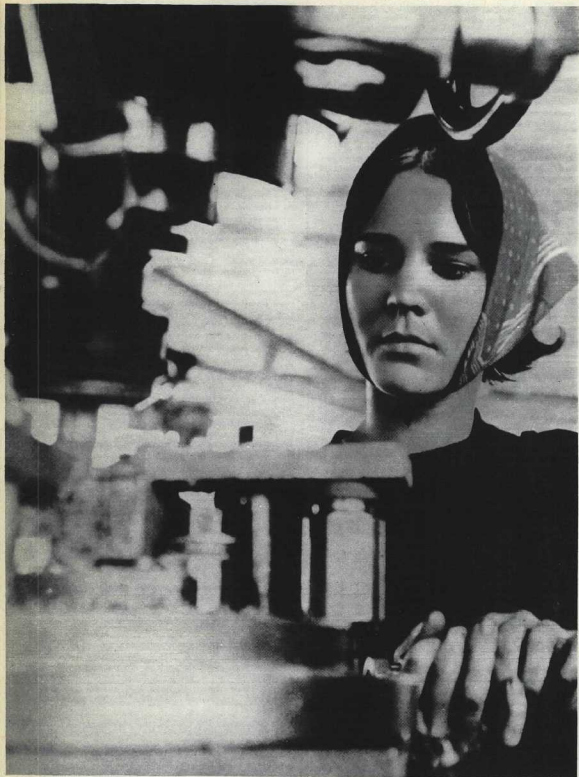
Berlin 1973
Hauptstadt der DDR

КОМСОМОЛЬСК- НА-ОДЕРЕ

Репортаж о первом социалистическом городе ГДР —

Эйзенхюттенштадте, который был построен молодежью два десятка лет назад и стал флагманом металлургической индустрии республики





В УЧЕБНОЙ МАСТЕРСКОЙ ЗАВОДА «ОСТ».

ГИГАНТ МЕТАЛЛУРГИИ НА ОДЕРЕ ПОМОГАЛИ СТРОИТЬ И УРАЛЬЦЫ.

КАБИНЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ПРИ ЗАВОДСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА.



говоркой, на переправе скачками из прошлого в настоящее: тогда — теперь, сначала — потом... В чем суть биографии комбината «Ост» и города, рожденного вместе с ним?

Итак, промышленность немецкой республики рабочих и крестьян нуждалась в металле, и она получала его: вторая долина дала чугуна в декабре 1951 года, через год была задута четвертая доменная печь, а еще через полтора года рабочие уже все шесть печей. Более полутора миллионов тонн чугуна — их сегодняшнее годовое производство.

Дальше. Первой машиной, прибывшей на строительство комбината, был советский бульдозер. С июля 1951 года сюда непрерывным потоком идет криворожская железная руда (неумолимый Хурберт Пфайфер, приговаривая: «Сейчас момент, часе два таскал нас по многокомбинаторам, владеем вдоль канала Одер — Шпрее, мимо железнодорожных составов, груженых крупными бордовыми кусками советской руды, и баржи, полные серебристого польского конса»).

Первые плавки на комбинате «Ост» шли очень туго: сельскохозяйственные рабочие из бывших юнкерских поместий в долине Одера, кустары, завывавшиеся плетением корзин и иными дополками, промыслом, рывчиной — весь этот народ с трудом усваивал азы металлургии. И вновь приходили на помощь советские инженеры, учили нелегкому огненному ремеслу, и дело наконец пошло, особенно когда после восьмимесячной практики вернулись в Эйзенхоттенштадт из Эрданова, со знаменитой «Азовстали», первая группа немецких стажеров — 18 молодых доменщиков.

На этом периоде в жизни металлургического комбината (истати, его немецкое название «Эйзенхоттенштадт-Ост» дает удобное сокращение — ЭХО) я хочу остановиться. Не только потому, что эта молодежная стройка разбудила глухие, полубитые места и создала крупное современное предприятие (в конце концов в ароческие этапы нашей индустриализации — Днепродзержинск, Магнитка, Кузбасс — были примером для строителей ЭХО). И не только потому, что Эйзенхоттенштадт начинался с палатками и населял солдатских барачков, с яростных споров у ночного костра о том, каким ему быть — социалистическому городу (параллель, проведенная в заголовке этого репортажа, темне вполне ясно).

Я хочу задержаться на рождении города и комбината прежде всего потому, что строили их молодые немцы, юные представители новой, рабоче-крестьянской Германии. В то лето, а еще гуще, в том же августе 1951 года, молодежь ГДР принимала в столице республики участие на III Всемирном фестивале. Берлин только начинал подниматься из руины, и над его невестинством широкими площадями и улицами, возвращавшим в себя медлено расчистившие пустыри, множилось раз звучащая клятва в том, что никогда больше с немецкой земли не должна прийти в мир война.

Мирная стройка на берегах Одера была воплощением этой клятвы в жизнь и в немалой степени самоуверждением юного поколения республики, за год до этого принявшей свой первый «Закон о молодежи». Закон определял права и обязанности молодых, их роль в социалистическом строительстве, ибо многим из них — многим — пришлось вступить в жизнь, не имея прямой эстафеты от старшего поколения.

Далеко не каждый строитель ЭХО по молодости лет мог понять классовые битвы двадцатых годов, и крепкую фигуру Тельмана на трибуне с серпом и молотом, и колонию красных викаров, взметнувших шляпы в прогнатовском приветствии кулаки. Но зато в памяти тогдашних двадцатилетних были долгие Валурунгена ноябрьские, Барбаринский бой и Барбаринские бомбежки, нелепые похороны известия с Восточного и иных фронтов и весна 1945-го с громом последних сражений, с историей «Фронтальной» и Бельгийскими полками на Рейне.

В то майские дни начался новая битва советских людей — за духовное возрождение немецкого народа. На передовой линии этого фронта вместе с ними сражались тысячи неавидных коммунистов, назвавших гасла, исторических комдивов, измученных эммиграцией, но никак не сложенных. И тысячи молодых — тех, о ком столь сурово и искренне рассказал режиссер Конрад Вольф в известном фильме «Мне было 19».

7 марта 1946 года был создан Союз свободной немецкой молодежи. В летописи этой боевой сибибулой организации немало славных дел, и одно из самых известных — Эйзенхоттенштадт. Город, который молоде республике лишь на два года. Комбинат, где сегодня четвертая часть рабочих и инженеров — его ровесники. Предпри-

ние, которое еще в прошлом году выступило в числе застрельщиков асереспубликанской подготовки к X Всемирному фестивалю молодежи и студентов.

Знакомство с комбинатом «Оста хуб как бы по спирази: колдце все сумжалис и сумжалис к тебе, которая явилла интересова, могодододод»... Востановил.

Все население Эйзенхютенштадта — около 46 тысяч человек. 8 200 работают на заводе. Из них более 25 тысяч — молодежь не старше 25 лет, 1 700 — члены ССММ. В мастерской имени Фрица Вайнле — 36 рабочих, техников, инженеров. Руководителя этой молодежной бригады — лучшей на заводе, борющейся за звание коллектива социалистического труда, — зовут Петер Плеттга.

Он сидит в вышечной и уютной комнате, под боком у гремящего прокатного цеха, и разбрасывает в кювет-то бумага, когда мы неожиданно зашли к нему с традиционной обиходной разпортерских вопросов. Разговор вначале не клеился. Петер тоскливо поспирывал на свои букаманые записки, то на ушки — бутылки молока и витаминной бруснички. На его вопросы я вслух читалось: зачем с меня не хочешь?

— Ну, как же, Петер? — интилянтис и поддирывил на стуле «пресс-швабе Хуберт Пфайфер». Ты сам слесарь, учишься на инженера, депутат франкфуртского окружного совета, помощник во главе бригады, дело у ребят ответственное — ремонт всех агрегатов на заводе, бывает, что и по две смены приходится отбывать... — Петер Плеттга соглашался, но интеллигентно попеременно бжукавил. И тогда я спросил:

— А почему бригаду назвали именем Фрица Вайнле?

— Вы знаете, кто это был? — ответил вопросом на вопрос Петер.

— Маленький трубак.

— Точно! — обрадовался Петер. — Точно! И став рассказывать: обал: он то том, как бригада добилась почетного права носить имя этого юного героя немецкого рабочего класса, а то том, что песню про трубочка Фрица Вайнле а потом уже несколько поколений советских рабочих, только сдало с немного изменен. Понг наш юный барачник...

И получалось так, что от трагической и светлой мелодии юнагого трубочка, которую в декабре 1927 году обрели похитиле, к концу 1930-х годов — на митинге в Галле, мы перешли к сегодняшнему дню — к бригаде имени Фрица Вайнле, к молодым рационализаторам, которые в прошлом году добились и общезаводского признания в СССР новых марок и продвинули тридцать три самых ценных изобретения на традиционной «ярмарке мастеров завтрашнего дня» в Лейпциге. И, конечно же, была пошла о подготовке молодежи ЭЖО к фестивалю.

Тут выяснилось, что букаманые мобилы на столе Петера Плеттга таят в себе массу интересного.

Во-первых, на заводе есть фестивальный объект — большой клуб, который строится во время субботников и будет назван «Десять Всемирных» — надо сказать, что ЭЖО, равно как и в городе крупнейшие правительственные и профсоюзные комитеты — нефтехимический комбинат в Шведте, — пригласит к себе в гости многих участников фестиваля.

Во-вторых, субботники молодежи Эйзенхютенштадта уже дали в минувшем году фестивальному фонду более 50 тысяч марок.

В-третьих, молодые слесари и сталепрокатчики ЭЖО заключили с рабочими известного австрийского «Вартбург» в Эйзенхютенштадте о том, что они совместно выкупили и около этого года выпустят легковых машин сверх плана и подарят их молодежному форуму.

В-четвертых, будут расширены традиционные связи между рабочими завода с их советскими коллегами, членами профсоюзных комитетов, которые трудятся на металлургических комбинатах в Череповце, Новой Гуде, Острове и Криворожье.

В-пятых, главный упор в фестивальном году заводская организация ССММ делает на развитии социалистического соревнования среди молодежных бригад, выполнение личных творческих планов и успешную сдачу молодежных объектов в эксплуатацию.

Загнув пятый пальчик в кулак, Петер Плеттга замолчал, опять насупился и сказал, что вообще-то нам лучше не слушать его, а самим посмотреть, что такое молодежные объекты на ЭЖО. И мы отправились в цех холодного проката.

Кх было шестеро — пареньков и девушек, еще в пластмассовых защитных касках. Бригада только заступила смену.

Зная из собственной практики и по информации, что нет ничего более нелепого, чем коррозия от блондирования, мы попытались понять в заводском шумном ослепительном ответе рабочего, мы прошли в дощатую деку, где можно было спокойно поговорить и даже, избрав тон «10», получить подробную информацию о производстве на ЭЖО и о бытиях в стране.

— Каковы выгоды молодежных объектов? — с места в карьер начал мастер Эберхард Дорст — человек коренастый и блондинистый, как этот, и, кроме того, он председатель комиссии по социальному образованию в горсовате Эйзенхютенштадта. — Прежде всего, ученики заводской профессиональной школы перестали быть пятаком толстым и теплым. Семь учеников плюс цеховой мастер и преподаватель училища — это полноценная рабочая смена, которая по два месяца обслуживает один большой агрегат и получает конкретные производственные задания, стоящие в плане всего комбината.

С 1969 года, когда ученики, получая солидную теоретическую подготовку, стали включаться в производство, все задания им выполняются. В 1972 году вклад в общезаводскую продукцию составил 20 миллионов марок. И, наконец, прочим, средняя успеваемость в училище улучшилась на целый балл. В значительной степени была компенсирована нехватка рабочих сил на ЭЖО, каковы бы ни были причины.

А недостатком новой системы teamwork. На молодежных участках весьма усложнилась охрана труда. Несколько повисла себестоимость продукции. Но и эти минусы, зависавшие поначалу непереносимыми, будут устранены. Главное, — тут мастер Дорст делал широкий жест в сторону огромного агрегата, за который торчал рядком белая защитная каска, — главным, что все больше доверия и ответственности больше трезких и смелых. В этом, кстати, и суть нового «Закона о молодежи», проект которого готовится у нас в республике по предложению Первого секретаря ЦК Восточной Хонверы.

Возвратим наш объект, — продолжает Эберхард Дорст, — Шестнадцатый — восемнадцатилетние ученики заводской школы и ее вечерние выпускники режут здесь двухмиллиметровые металлургические листы, которые потом идут на производство колдольнички, электромоторов и т. д. Рискует предприятие, поручая ребятае работу, которая играет важную роль в общем плане ЭЖО! — И вот почему не рисковать, советовать себя. Честно говоря, я и сам вначале был стопроцентным скептиком в отношении этого дела, а теперь вижу — получается.

Не случайно передача таких ответственных объектов молодым производят у нас очень торжественно. Например, участок, где мы находимся, став молодежным в честь X Всемирного фестиваля. В цехе был митинг, выступали товарищи из заводской организации ЭЖО, наши друзья из Вьетнама, из других стран.

Я прошу Эберхарда Дорста познать как с кем-нибудь из членов бригады.

— С самым надежным и старательным рабочим! — утвердительно спрашивает он.

И в комбинате появляется девушка в спецодежде.

Инге Штанке, 17 лет, член ССММ, вчерашняя десятиклассница. («У нас с восьмого класса была «производственные дни на ЭЖО, а когда я кончала школу, пришла агитатором... ну, в общезде, инженерам, рабочим... они очень интересуются...» — это и была работа в училище.) Судя по интонации Инге, западно-инский и мала-мелестра возразила против этого. («Вы знаете, уже нет. Скоро я получу квалификацию, буду работать на своем участке...» — говорит она инженерам.) Неужели же эти хрупкие руки управляют с гудками от напряжения, длинношумным полотном стали? («А у нас разделяете труду! И мы ведь не только сами ставим листы, но и болгарим, наша бригада разработала новый метод соединения листов проката склейкой или при помощи синтетического кента. Это будет показано на очередном собрании мастеров завтрашнего дня. Мы поведем в Лейпциг и сами будем экскурсоводами на выставке...»)

Эберхард Дорст внимательно слушает свою воспитанницу и подытоживает:

— Как видите, цель такого молодежного объекта — это, скажем так: бесшовный переход от ученичества к высокой рабочей квалификации.

Вокруг длинного стола, за кашкой кофе, чинно сидели ученики нескольких профессиональных школ. Разговор у них тоже был профессиональным: какова доля теории в практике в занятиях, какова специализация молодежи в училищах, какова ответственность, как организовано свободное время... И хотя беседе явил молодые люди из двух разных стран, переводчика не требовалось: для всех родным.

Вдруг платки гостей растерянно перегнулись. Они явно чего-то не понимали. А тот, кто говорил, тоже не мог азять в толки: что же тут неясно.

— Ну да, — повторил он, — ученики нашей школы отработали в общей сложности 500 часов на недавнем субботнике в честь Всемирного фестиваля.

— Объясни же им, что такое субботник! — мажко сказал замдиректора училища, секретарь школьной ячейки ССММ.

Мы поспешили тут встретить неохотно, а если уж говорить откровенно, то сами напросились на нем. Ученики профессиональной школы ЭЖО принимали у себя в тот день группу сверстников из ФРГ.

Это был интересный разговор — открытый, дружелюбный и очень догосный. Западгерманские ребята — четверо юношей и девушка — рассказали, что на заводах в их стране ученики — члены профсоюзов, они работают, выполняют рабочую смену, что он не имеет права вступить в профсоюз, а значит, и права на 40-часовую рабочую неделю вместо 48-часовой, что вместо аккордных платки ученики с ослепленным получают индустриальную месячную премию и что теоретическим занятиям в заводских школах отвели лишь один день в неделю, а остальные Wochen должны работать у станка наравне со взрослыми.

Они говорили об этом, как о чем-то раз и навсегда заданном, а девушка соучастно воздохнула: вот и у вас, в ГДР, как мы слышали, ученикам тоже приходится отстоять смены в цехах.

И тогда мы терпеливо начинали объяснять, что же такое молодежные объекты на ЭЖО во всей республике, и открывали красным карандашом целые страницы в коллективном договоре комбината. Мы показали, как нарисованы, как оформлены приказы учебный план, из которого выставлялось, что училище готовит для ЭЖО не только металлургов, проточников, электриков, но и специалистов по вычислительной технике.

Помню, много творческих занятий — недоверчиво спросил рыжеватый паренек, для солидности попыкая трубой.

— Да, — сказали ему, — первый год — почти одна теория, последние полгода — исключительно практика.

У нас наборот, — продолжал он, словно все более изумляясь этой неслыхности, — я учусь в школе при телевизионном заводе и только на третьем году обучения узнаю кое-что из электротехники и электроники. А пока, раз знаешь нет, давай скажи, пригласит ли работу да мастер говорит за пилом.

Помню, когда мы шли через вереницу учебных помещений школы — слесарных, токарных, ремонтных мастерских и кабинетов счетных машин, — мы прошли мимо кабинета мастера имени немца «Найди свои ошибки», я сделал в блокноте заметку о той беседе: «Одно поколение немцев — это Германия».

Аме кажется, что расшифровка это уже не требует.

— Мы выжили из здания профшколы под вечер и с сожалением пригляделись вешать все, что так и не успели вывешивать на заводе и в городе. Они уже светились в спорных зданиях сумрака: Эйзенхютенштадт — новым ринком и винриг, ЭЖО — даром домом.

На площади имени Германно-советской дружбы поздравляла детвора, гуляли парни. И стоял облик со звездочкой и русской надписью: «Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины».

Отсюда было совсем недалеко до Зеловских высот, где весна 1945 года стала последней весной для многих тысяч наших солдат. И я подумал, что пятничник им не только эта каменная стена, но и сам город и его самодельные вышедшие руками молодых граждан социалистической Германии — юношей и девушек в синих рубашках с эмблемой восходящего солнца на рукаве.

Всесоюзный фестиваль советской молодежи

ЗА ЯВЬЮ, ЗА МЕЧТОЙ...

Латвии явню пишу о земле и о солнце. Еще в народных песнях, дайках, людю обращались к солнцу — заступнику и покровителю, символ добра и надежды. От этих песен идут стихи Мариса Чахлайса, в которых он просит солнце обогреть народ на рассвете, пожелать на закате. От этих песен строки первого молодого поэта — Линаса Петерса:

В широкие крылья желанну выпрями ям зеленый ветер,
и сыплется солнце в ладони и хлебю вжойлю в дома,
Мя в зрелость свою аступалл, строя ритм и клетку,
и светла народ латвийский —
солнцеж полям закрома.

К солнцу обращается и лауреат премии Ленинского комсомола Латвии Имант Зиедонис:

Имант ЗИЕДОНИС,
лауреат премии Ленинского
комсомола Латвии

Гимн солнцу

Ты, великое вечернее солнце,
удачи рыбакам дай.
Ты стоишь над жизнью людской
и над гибелью рыбьих стаи.

Ты, великое вечернее солнце,
судьба городов и сел,
сделай так, чтобы хлеб насыщенный
рыбаком бы не обошел.

Поканя на рыбьих дорогах,
там плывет их лавта за трупом,
там весь досюток рыбацкий,
все их добро и уют.

Плывут там их мотоциклы,
их автомобильные сады...
Ты, великое вечернее солнце,
покажи им рыбьих следы!

И еще им дай жем крепких,
славных любовью своею,
ну что тебе стон, солнце,
дай рыбакам сыновей!

Помоги сыну родиться,
одному вместо ста радюно.
Ну помоги же, солнце,
судьбе городов и сел.

Народные напевы

I. ПЕСНЯ СВЕЧИ

Ты, подсвечник, пронеси
Через тьму лена.

Так, чтобы ветер не задул
Моего огня.

Я угасну на ветру
Всею не жучу.
Он с усмешкою погубил
Не одну свечу.

Все на свете ничем
Ветру, даже свету.
Прячь меня от ветра, прячь,
С ветром сладу нет.

Ненавиден и жесток
Ветер-сухоброд...
Прячь меня, когда меня
Ветер позовет.

II. ПЕСНЯ ВЕТРА

Не бойся, подсвечник, свечу твою
Я с собой не возьму.
Свечи терю! Говору сам,
Я сам не полюбю, почелу.

Свечи дрожат, чуть меня заведут,
И горят, спокойно и заочу.

Потом, подсвечник, ты монешь снова
Защечь для себя свечу.

А я только душу ее вдочу,
Утихнет пламени дробь.
И мне все равно, куда ты потом
Свечу свою понешешь.

III. ПЕСНЯ ПОДСВЕЧНИКА

Они приходят, за свечой свеча,
И слезы льют у моего лая.
И слезы льют, и свет несемая льют,
И в каждой свече моего приют.

И каждая зывает: «Отрани!»
А где-то ветер плыт и мет огни.
И почему они идут ко мне
С наивным плачем о своем огне!
Ведь не помог я ни одной свече.
И только слезы на моем плече.

Маркс ЧАКЛАЙС

Последнее купание в этом лете

— а после — этого не будет. Лышь, мечтаю,
раскинешь руи в чуть прохладной ласке
и тело; больше над тебя не будет запаха воды,
и ноздри не вспорхнут, как у иконы, и лапы
сосновых укс не поканят больше поплоты туду,
где тажесть обретает крылья; не будешь
уже лежать на остывающем песне
распятые пульсирующими, теплыми, готовыми
обнять и море, и сосны над морем, море

над соснами
с путями самолетов, плавниками звезд и море
дальше —
за кладбищем звезд, за явню, за мечтой,
за летом и

Зимой...
Зима...
Зима

покроет ранней белизной твою желанья,
и помысли в тебе задремлет, только
их сможет пробудить. И — Одиссей! —
над бесконечность

я понимаю радость возвращенья!
Но рано. Еще бежит, меня пугаясь, рыба,
еще рукой я водворюсь ласкою,
и ускользает луиная стезя,
такая зыбкая и гибкая, как ленига, на которой
записано все лето. Для меня.
...Я отдаю прохладной ласке руки,
и тело окунаю, и вопльность светлая
раскраснелает ружик тело и желанья,
и все влеченье — чмце и аснее. Но — мечта,
уже мечта и в этом.

Пей, огонь, пей!

Пей, огонь, пей, вода твоих бубенцов
звон в снегу, твоих
бубенцов звон под снегом. Во сне. Назву. Во сне.
Назаву. Колокольчик снега. Падает снег —
бубенцы.

Крепнут в почве лукавику бубенцов снега. Станут
крепкими, как земля. Ибо с ними семя берега и
дубовые желуди, семя надежды и,
обещанной полноты, семени завтрашних дней —
с ними, с мелководьями Чилипово,
от которых однажды тымак заплывет слезами.

Пей, огонь, пей вперешку
с ветром, пей вперешку
с усмешками и изменой, с честной
наивностью вперешку, выпей все,
пей, огонь, пей, это все
брату старому только
на пользу.
Пей, огонь, пей!

Возращение, вечное возвращение

Кольца свои снимки, а вдруг
ты их потеряешь, дай мне
твою живую ладошку, пойдем
по лужам, забрызганным цветом
аванси; пусть время за семанам
всплывет инкарнирует, в море,
всплыв и истокам своим.

Дождь возвращается в море,
солнце в зенит небю,
акция в землю, и корням.
Человек через двари детства,
раздвинтая толпы, идет созвать
народ к детству народов, к истокам,
всплыв.

Так, выходит, любия в тебя
уже целую древность, и вот
я вернулся к себе.

Всплыв.

Все близнее мне в разво, как
белкиза на сером. Солнце осеннее,
благодатное, благодарное; моя мать,
белый бант в ее волосах, мой

Ты, великое вечернее солнце,
удачи рыбакам дай...

От народного омыта и народных песен идет отношение к родной земле. Поиск, неутомимая борьба за новое на земле, трудность земного пути — все это подчеркивается в стихах Витаута Людена, это же основная тема стихов Овры Вацугитиса — лауреата Государственной премии Латвии, поэта, ставшего у истоков молодой латвийской поэзии.

Несколько слов о свободном стихе, который широко применяется сегодня во всем мире. В Латвии лучшие образцы «бездрифтового» стиха дал крупный поэт-урбанист нашего времени Александр Чак. Его поэтическое мышление созвучно мышлению таких поэтов, как Вертогат Вилетс, Ивалым Хляксет, Пабло Перуда. Многие стихи этого направления образуются более к сознанию человека, нежели к его эмоциям, они требуют от читателя размышления, согласия и понимания, а не только сопереживания.

Современную латвийскую поэзию обогащает прочная связь со всей международно-латвийской советской литературой. Стихи известных мастеров слова России, Украины, Белоруссии, Кавказа и Средней Азии переводятся на латвийский. Так же, как и лучшие произведения поэтов Латвии, стали достоянием всеюязычного читателя. Вячеслав КЗПРИЯНОВ

Свечи дрожат, чуть меня заведут,
И горят, спокойно и заочу.

Потом, подсвечник, ты монешь снова
Защечь для себя свечу.

А я только душу ее вдочу,
Утихнет пламени дробь.
И мне все равно, куда ты потом
Свечу свою понешешь.

III. ПЕСНЯ ПОДСВЕЧНИКА

Они приходят, за свечой свеча,
И слезы льют у моего лая.
И слезы льют, и свет несемая льют,
И в каждой свече моего приют.

И каждая зывает: «Отрани!»
А где-то ветер плыт и мет огни.
И почему они идут ко мне
С наивным плачем о своем огне!
Ведь не помог я ни одной свече.
И только слезы на моем плече.

отца с усталым, но все еще молодым
взглядом, кирпичич дом позади, и
сак в белой рубашке, и
сером первом году позади, второй
год моей жизни.

Это только начало. Чем дальше,
тем больше окнившего.

И я возвращаюсь

в лес и подлески [они —
не от слова «подлески», возвращаюсь
на старые вырубки, туда,

где Ляпислес
одолеп двенадцат медведей и устал,
не в силах с тринадцатым сладить.

Всплыв и истокам.

И теперь уже чужую рубку, как они
в вечных играх природы так просто
быт хвостом по воде,
что целая вечность дрожит.

Витаут ЛЮДЕН

Ясень

Из тебя можно вырезать трубку,
и табак ее полюбят так сильно,
что станет пеплом.

Из тебя можно вырезать колбаски
с асеныными рожами и ножками,
и при этом порезать себе палец.

А пока стоишь ты,
пышный и зеленый,
я с тобой согласен, асень: —
Верно,
так и надо жить,
не растягивая по древу мыслям
о той роде, когда из плагиата о нас
нарежут трубок и колбас.

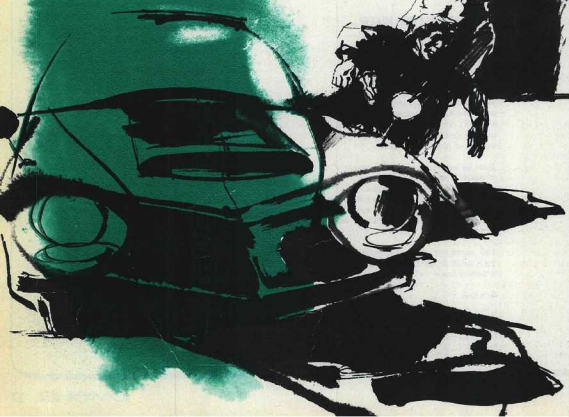
КАНАТОХОД

Сергей АБРАМОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН



Рисунок Геннадия НОВОМИЛОВА



Она досадливо поморщилась.

— Совсем забыла: ты же еще младенец в сламе. Седьмой — Мак-Брайт, это его позвонил. Он связан с главным диспетчером парка, а тому ничего не стоит держать здесь всего один электроль. Да и тот, честно говоря, неисправен.

— Его же могут в любую минуту пережечь.

— А Ли на что? «Простите, но машина заказана. Стойка на углу, три минуты ходьбы». Мальчик хорошо знает свою роль...

— Какова неисправность в машине?

— Что-то с управлением, электроль должен сдать на третьей передаче.

Восемьдесят километров в час — скорость приличная, придется рисковать.

— Факетти один?

— Бюджет один. С кем выйдет, не знаю.

На той стороне улицы Ли застыл у стены дома. Пожалуй, он волнуется сейчас не меньше меня. А может, и больше: для него это — первое серьезное задание. Акция, как говорят здесь. Вот он равнулся от двери, пошел по тротуару.

— Внимание, Лайк!

— Бизу.

Из подъезда вышел высокий парень в красной синтетической куртке — Факетти! Остановился, закурил, ладонями закрывая огоньки зажигания, шагнул к электролю. Еще мгновение — и дверца машины закрылась, электроль резко равнулся с места — включено ручное управление? — швырнул в поток магии. Я помешала ложечкой тающее мороженое: пора!

Посреди площади вспыхнул багровый фанел. Брызг формовки, комариное гудение электродвигателей, вихорватанные крики — все это мгновенно погасло, выключилось, как звук на экране. Я не слышала, что мне кричала Линнет: просто оттолкнула стол, перемахнула через ажурную ограду кафе, побежала через площадь, лавину между машинами, туда, где словно в вакууме (все разбежалось, очистили место — погибай, парень!) горел электроль Джина Факетти.

Я сорвала пиджак, несколько раз с силой ударила им по кулолу, сбila на секунду пламя. Обжигая руки — стиснула зубы, стерла! — равнула на себя дверцу машины. Неожиданно она легко открылась. Я схватил за плечи безжизненно похисшего на руке потухающего сознания Факетти, потянул из кабины, повалил на мостовую — вовремя. Пламя с новой силой охватило машину.

Факетти очнулся, сел на мостовую. Я помог ему подняться и повел к тротуару, расталкивая любопытных. Он сокрушался вслух:

— Потерял сознание, как мальчишка! Стыдно какой!... Потом повернулся ко мне: — Вы спасли мне жизнь. Я вам должен!...

— Прощю вам долг, — сказала я.

Он насмеялся беззаботно, словно не было ни аварии, ни смертельной опасности.

— Не надо: я всегда плачу по счетам. Давайте знакомиться: Джеррином Факетти, короче Джин. Может, слышали?

— Даже видел.

— Где?

— Кафе «Семь футов под килем».

Он посмотрелся в мое лицо, кинула утвердительно.

— Верно. Это вы тогда Дикого приложили. Я назвался. Он присвистнул уважительно, взял меня под руку.

— Мое спасение надо отметить. Вы «за»?

В тот вечер я поздно добрался к себе в отель: Джин долго не отпускал меня. В общем, можно было считать, что у меня появился в городе друг. А что касается парм ожогов на руках, так это мелочи, не стоящие доброй дружбы.

Глава седьмая, в которой развлекают, пощипывают, стреляют и бегут из тюрьмы

С Джинном я встретился на другой день на двадцатом этаже ступенчатого небоскреба «Шахты Факетти», в соединении по его идеям ближайшем клубе «При свечах». У него нас обнимал клуб, старина. Малость ветхозаветный, но тебе полюбится.

В роскошных залах, украшенных старинной мебелью, коврами и светом тысяч свечей, нас встретили столы же старомодные гугайлы — вешки, вечерние платья дам с украшениями камнями в ушах и на пальцах. Лакеи в напудренных париках и шитых золотом лифчиках равновесия нанитки, гигантский шефвар в красных панталонах и белых чулках обвивая имена сапунитов гостей.

Все это не заслуживало бы даже упоминания, если бы не две встречи и последовавшие за ними события. Сначала мне пришлось показать руку Дикому, иначе говоря, Стиму Кудрябору, считающему сыном начальника городской полиции, причем рукопожатие это не доставило никому удовольствия, кроме Джинна, радостно восклицавшего: — Вот и прекрасно, мальчики. Теперь нас трою.

— Четверо, — поправил его жесткий голос. Особа эта, несмотря на ее ослепительную внешность — рыжие волосы, насыщенный до плечам, ровный золотистый загар — в цвет волос, зеленые глаза и зеленые изумруды на шее, — вероятно, не принадлежала бы моего специального внимания, если бы не одна встреча и встречу в компании Факетти, — если бы не примечательный диалог между нами, диалог с подтекстом, настаивающим и многозначительным.

Мы стояли с Жаклино Тибо у стены над залом солидным хрустальным канделябром с двумя десятками свечей, а время от времени с опаской поглядывая на него: и тяжел и огненносен. — Жаклин заметила, потянула в сторону.

— Так безопаснее? — сказала она. Вдохнула иронически:

У меня уже проверена крепость черепной коробки. Боясь, что первой проверки она не выдержит.

— Где же была первая? — нахмурилась.

— Ах, да, помню, Джинн рассказывал...

Вот тут-то и прозрел. Дело в том, что Джинн не знал о моем приключении на луне: я не рассказывал ему об этом. Значит, информация о полете Лайне Жаклин получила из других источников, а из каких, я, пожалуй, не сомневался. Факетти-младший слишком примечательная фигура, чтобы Теюору не заинтересоваться его связями, которые могут стать опасными для отца, владевшего таинственным «Шахт Факетти». В окружении наследника должен быть «дател», который опытно-такти должен заинтересоваться новым человеком — мной. Стис Кудрябор? Мало, слабень и глуп. Остаются же прокладывают ко мне никакого интереса: провинция, мускулы без интеллекта. А Жаклин рядом, Жаклин — вся внимание, вполне подходящий сотрудник для Теюору.

Возможно на вечерне не представляла интереса: Джинн написал, и Джинн предложил «сменить обстановку». Решения развлекать, отвести пыльного Става домой, сменить ветхозаветный костюм на современную одежду, убраться в ресторанчик «Город сново», где должна была выступить знаменитейшая Алина.

Выходя на улицу чуть раньше замешкавшихся сотрудников, я вдруг заметил на тротуаре тоненькую фигуру Ли.

— Вам электрель? — склонился он, как принято у парней, зарабатывающих услугами болельщиков и футболистов, и вынул из кармана. Я двинулся. Вы нужны Седьмому. Он будет в полночь на вокзале Торно, у второго пути.

Электрель он пригнал тогда же, и я еще до появления Жаклин и Джинн успел назвать автоматический адрес:

— Вокзал Торно.

У вокзала я нырнул в одну из крутизней стеклянных дверей. Запрыгивая светился следом: «Перед б. ... З. ... второй. Еще надали и увидели ступеньку Мака в плаще с поднятым воротником. Он тоже заметил меня, сложил неторопливо пулужку газету, сунул в карман, медленно пошел вдоль перро-

на. Я за ним. Он поглядывал со стороны, вошел в вагон, остался в тамбуре.

— Прости, дружище, Мак-Брайт молча курил у стены, не обращая на меня никакого внимания. Я приоткрыл рядом. Он выбросил сигарету в споро:

— Удивляешься? — Магго сказало...

— У нас мало времени: на следующей мне сойти. Я тебя и так прождал полчаса.

— Ли не мог предупредить меня раньше.

— Знаю, но в этот день. Сегодня слом идет на акцию. О Дюке слышал? Его сегодня должны вынуть.

— Не пошла.

— Наш термин: спасти, вырвать из рук Бигла.

— Буду участвовать? — Вуэнь. Только по-самоу.

— Это как? — Он не ответил, прикидывая что-то в уме, посмотрел на часы, спросил нетерпеливо:

— Где сынок? — Факетти? Наверно, в «Городе сново». Ждет меня и черт знает. С ним некая дика — Жаклин Тибо. По-моему, человек Тейлора.

Он поморщился.

— Кудю. Отгладить пальмак нельзя? — Бигла не понравилось. А что? — Сойдешь со мной, наймешь машинку, вернешься в «Город сново» и убедишь Джинна поехать в штаб Бигла.

— Я покал плачамам.

— Убедить можно, только зачем? — Я не закончил: сегодня по управлению дежурит старший Кудрябору. Вполне уместно известить отца задушевного друга. Он с вами?

— Нету, наверно. Бигла я уколду, его повези домой: наярлся до безучастия.

— Тоже неплохо: бесполокостно о моральном облике товарища чаще всего возникает в повзрослении — как раз, как у тебя с Джинном. Придете, поговорите, а когда начнется тревога — где-то около двух, — примешь участие.

Кажется, я начал что-то помнить: Мак-Брайт уже говорил той же ночью о той стороне. Я, пожалуй, сумею сыграть роль.

— Инициатива поездки должна исходить от Факетти. А ты лишь натолкни его на эту мысль. Все пошло?

— Все.

Он крепко пожал мне руку и вышел. И высочина следом.

У выхода на площадь дежурил два электреля. Один в кибуку, навалил аду, взглянул на часы. Еще есть время. Да и опаздывать я немножко: простят заблудившемуся провинциалу.

Так я и обьяснил Джинну с Жаклин, стойко ожидая от публики толка на четверых у самой астралды.

— Кто четвертый? — поинтересовался я.

— Стис Фабвал подхвачет, — сказала Джинна, а Жаклин добавила саркастически:

— Если пропнется.

— Губите вам его, ребята. Путь он не умеет, а пьет.

— А мы-то что можем сделать? — искренне удивился Джинн.

— Остановить его. Поговорить. Отцу, наконец, сообщить.

Джин залукался.

— Отцу? — это идея, — сказал он.

— Опасная идея, — снова вмешалась Жаклин. И я подумал, что она не слишком любит анонимного Кудрябору и не скрывает этого. Тут я с ней боже, прощай, даже свидания. Но до чувств Джинго и Джинна к ней самой я пока не знаю. Интересно, догадываются они о ее профессии? Джин не дурак, вероятно, догадывался.

— А что может сделать отец Джинго? — спросил я.

— Экономическая блокада — раз. Физическая расправа — два. Три... наш Джинн плачет. Блок не действует. Вот и слезам к пашине, пока Алина не выступила. А ее выход в два. Успеем вернуться.

— Он же на дежурстве, — сказала Жаклин без всякого удивления, видимо, привыкшая к моментальным решениям Факетти.

— Ну и что? Поедет в управление. Емй сейчас случено, чем нам: попробуй поедужу ночью.

— Ты, конечно, сумасшедший, — пожала плечами Жаклин, — но бог с тобой, едем. Часа нам хватит? — А Джин залукался: — Какое болото? В полночь упрямился.

— Полнейший в бюро пропусков Корпуса безопасности некоторое время внимательно слу-

шал нас, разглядывая водительские права Джинна — все-таки какое-то развлечение, — потом, по звонку, ушел, сказал строго:

— Прощай. Прощай. Прощай, кабинет...

— Знаем, знаем, — преврал его Джинн и шепнул мне: — Старик, наверно, решил, что к нему явился Факетти-старший.

— Полагаю, он и младшего жадеует, — сказал Джин.

— Еще бы не жаловал! Все Кудрябору — из породе безобратных. Где породе, там и гугити. Впрочем, сам удаляюсь.

— И где же ты сейчас, будешь двадцать семи дав.

В приемной сидел мрачный Джинна с нашивками сверхчорной и что-то писал. Увидев нас, осмотрел нетоварливо, нажал кнопку селектор.

— К вам трою.

Из селектора вынул голос: — Сейчас выйдут.

Открыл тяжелые двери в кабинет дежурного утру-чуть приоткрылась, впрочем, достаточно, чтобы я увидел на стене мигающую объемную карту города и огромный шкаф посреди комнаты, откуда высолкали именно высолкались, а не выпали, маленький человек в шитом золотом полицейском мунидре без всяких знаков различия.

— Вы же толст, ясл, коротконог и совсем не похож на Дикого.

— Различия нет, — сказал, госнода, — прожурчал он, единую кобру с лувеником на живот, плюхнулся в кресло-раковину. — Как здорвие отца, Джинн? Впрочем, знаю-знаю, имел честь говорить с вами садиться, будите как дома, если можно считать наш Корпус домом... Так что же привело вас ко мне в столь поздний час, когда маленьким детям пора спать?

— Все время была выслетрена без малейшей улыбки.

— Маленькие дети уже бай-бай, — сказал Джинн, усаживаясь напротив. — Я имею в виду Стиму.

— Что же он натворил, этого шагу? — спросил вкрадчиво Кудрябору-папа, и я успел загладить ему в глаза прежде, чем он опустил глаз.

Странный вопрос: колдовские заклинания, конечно, — они совсем не контролируются с обидком толстятя, атакого доброго гнома — чужие глаза, принадлежащие человеку без жалости, роботу с привязанностью к черствости.

— Как вам сказать, — начал было млемить Джинн, но не успел: над головой детинны с нашивками вспыхнула красная надпись «ТРЕВОГА», и плетую ночную тишину здания разорвал звук сирены.

— Простите, госнода. Поговорим в другой раз.

Кудрябору встал, растегивая кобру, вынул лувеник, целнулся предостережением, кивнул сержанту.

— Проводите гостей...

— Послушайте, Кудрябору, — раздражено сказал Факетти, — можете объяснить, что происходит?

— Тот удивился впервые — только дрогнули уголки губ:

— Как слышите, тревога.

— Сейчас я кто-нибудь? — Я спросил его, не вставая с кресла, стараюсь говорить как можно небрежнее. — Вымает... Вы, кстати, переставте диалогон на тридцать: у вас там воткостра? — все здание разлетел.

Он посмотрел на лувеник, передвинул бегунок диалогон, спросил удивленно:

— Знакомы с оружен? — Бесче, чем знаком — я в дубже.

— Он у нас новенький, — засмеялся Жаклин: ей было явно навалеть и на Дикого, и на тревогу, и на самого хозяина. — Пилот-профессорная теорой — полагается, полагается, первый друг Джинна и Стива. Дайте ему лувеник — весь врагот перебьет.

Я не был против своевременной идеи Жаклин.

— А что? Давайте попробуем! Я сейчас без работы: поправался — возьмете на службу.

Кудрябору несколько секунд пристально смотрел на меня, потом положил в столу сержанта, нажал кнопку-то кнопку:

— Должоте обстановку.

Из динамика на столе раздался взволнованный голос:

— Восточный блок. Круг дубль. Побег заключенного.

— Блок? — открылсто спросил Кудрябору.

— Дежноте теорой.

— Результаты?

— Блок оцеплен. Дополнительных сведений нет.

— Идиоты! — выругался Кобдори и крикнул у микрофона: — Считайте оцененной Иду у вас. Он оцененные посмотрел на меня.

— Хотите постелать лучший дор Джина? Я по-прежнему полужелеза в кресле — очень уж оно расползало к отряду, — бросил лезвие: Вузу рад!

— Дерзилте! — Он кинул мне лезвие, я вскочил, поймав его на лету.

— Неплохо. — Кобдори открыл ящик стола, достал второй лезвие, проверил два раза. Дежурный, оставшее здесь, следите за тем, чтобы наши гости были в безопасности. — И уже к Лайке: — Постарайся развлечь нашего дора. — И похлопал в ладоши.

И А за дверью — по пустому коридору до повороту направо, потом, в тесный лифт, вверх, вверх, вверх — сколько угодно — котом лифт начал двигаться горизонтально, а потом — так же, как и в той же, как и внизу, коридор, только ярко освещенный и залопенный черными мудраками. К Кобдори подоскачал веревка в шлемо о защитных забралом, козырьку, отгнорлов.

— Все выходы блокированы. Им не уйти.

— Жертвы? — быстро спросил Кобдори.

— Один полицейский внутренней охраны. И еще три ранен. Один и полдня трупов.

— Камера?

— Без залама. Открыта шифром.

— Где же они?

Подобеский, казалось, даже ростом стал меньше.

— Не знаю. С момента тревоги мы их не слышали — ни стрельбы, ни беготни.

— А может быть, вы их проворонили?

— Никак нет. Никак не выходы блокированы.

Он откинул дверь прозрачный намордник, вытер платком лицо.

— Думаю, их всего трое. И заключенных Стюа. Де-юбиду выключили.

— Где-нибудь... — перерезал его Кобдори.

— Вам бы командовать детским хором, а не особой группой.

— Так точно. — тупо сказал подбеский.

— Ладно, к делу. — начал Кобдори. — Четверо с лазерами — в блок «Мышь», четверых — к грузовой лифту, ввод — в грузовой двор. Остальные прочесать коридоры и там, только остановив — стартовую веревку: — Идоложили камеру?

— Выключена на полную. — И спросил нерешительно: — Скажите, мы должны из пропускной системы выключить сигнал?

Кобдори даже повелел от ярости.

— Какое нам дело? За излившие любовь ты — двое суток строк. Выполнили приказ. — И пошел в кабинеты, а Лайка, выйдя из цехок на лицо и побежал к отряду. Через несколько секунд полицейские с пистолетами и дубинками пробежали по коридору мимо нас, сверкнув в блок выходы, и только теперь я заметил в стенах гнилые стальные двери, видимо, открывающиеся автоматичеки. Рядом с каждой — премоутовлык щита-распределителя: там, вероятно, некая другая группа, как собака, ищет, что знает что. А над щитами яросо горели зеленые фонарики, кроме одной двери, где лампочка тревожно мигала.

Кобдори к чему-то прислушивался, как собака на слухе: уши напряжены, сам в стойке, сейчас бросится.

— Что-нибудь слышите?

— Может, и слышу, — сказал он. — Вот что, Лайка, друг Джина, давай выйдем. — Вот что, он ткнул дулом дубинки в зеркало тумбля-коридора, уходящего в темноту.

— Что там?

— Нет, как для отбросов.

— Вы думаете...

Он перебил, умахиваясь рукой.

— Представьте, думаю. Полицейские тоже иногда размывают. Где сейчас отбросы? В углу или в центре? Он опять умахивался, довольный собственной шуткой.

Темный коридор — пожалуй, низковатый для меня: я то и дело стучался головой о какие-то выступы в потолке — мы пролили которова и вкрутили, он передал, я за ним. В конце коридора Кобдори зажег фонарик, светная массивную стальную дверь с ржавым замком-защелкой и осколками стекла на полу.

— Видите, он хвалит в нас лучшем фонарика, лампочка. Слабенькая. Люком получают редко и в основном дном. А им и она мешала...

— За дверью лифт? — спросил я.

— Нет, обыкновенные ступеньки-эскалы, ржавеют от времени. Этой части здания нет восемьдесят.

— А затят?

Он кинул добротнее:

— Соображаете. Тридцать седьмой. Высоко. Они, вероятно, еще не успели спуститься...

Он осторожно отодвинул засов, потянул на себя тяжелую дверь, наклонился над темной бездной. Я резко рванул его на себя — вовремя: откуда-то снизу полонил узкий белый луч, листва сталью косил, как перерезыва.

— Что это? — спросил Кобдори. — Это здесь.

Он достал из кармана прямоугольный брусок, сдвинул его, чем-то хрустнув, бросил вниз.

— Что это?

— Нурушка: утяжеляющий газ. Я бы хотел видеть выходы.

Внизу в темноте что-то стукнуло и стихло. Кобдори выругался.

— Мерзавцы вылетают этот дом, как свое квартиру. — перерывал кой.

— Чем?

— Каждые пятьдесят метров — выдвигаются вышки для наклонения отбросов.

— Что же делать?

— Снаутать старших, лучший дор Джина. — Он снова зажг фонарик и тут же погнался его, видимо, обнаружив, что это искал. Ударил рукояткой дубинки в стену, брызнула осколками. — Идите, книга сирены...

Здание вновь наполнил резкий протяжный звук. Кобдори отпустил кнопку, звук прекратился.

Поспешил к лифту. Там должны быть наши. Мы перекрывать пятиме по выходу.

Грузовой лифт, набитый полицейскими — их было не четверо, как приказывал Кобдори, — ехал в по крайней мере двадцать минут на первом этаже в две минуты. Грузовой двор, заставленный какими-то ящиками, бочками, непонятными конструкциями из металла, был почти пуст, если не считать четырех полицейских автоматических ворот, еще одного — в тесной дорожке контрольно-пропускного пункта с троем людей в серых комбинезонах, сидящих у отромонированной фуруры.

Конец — мы с Кобдори во главе десятка дежурных стражей порядка выбежали на первый этаж уже заключили погрузку мусора, и полицейский в форме начал указывать направления движения. Странно, створки попомали в стороны, серые комбинезоны влезли в кабину, и машина медленно тронулась. Она уже въехала в ворота, когда внезапно прозвонил Кобдори истопорившись.

Стон! — И полицейскими: — Отгон по машине!

Потом рванулся за ней, прижимаясь на голову, да еще бегущая сверху гора стержней лазерных лучей. Вряд ли я тогда соображал, что и зачем делал, но побежал за Кобдори. Я настиг его в ворота, схватил за плечи, повалил и уложил сверху — вовремя: на уходящий на полной скорости машины вылетела такая же лазерный луч, крест-накрест перевернул прямоугольник ворот. Пришлось гоню, я увидел, как вспыхнула будка КПЗ, как, перерезанный лазерным лучом, на землю полетел человек, но темному переулку, завывая сиреной, пронеслись две черные машины управления.

— Кочен был? — И поднялся и помог встать премоутовлык. Он кинул в Кобдори взгляд безосмысленный уже дулечи, протянул мне руку.

— Спасибо, вы спасли мне жизнь. А лучше бы вы спасали только своего...

— Моя миссия будет только стоять.

В молчании мы добрались до кабинета дежурного, он толкнул дверь и вошел в приемную.

Жалкий и Факетти вращали кружал, под светом искрились дубинки дежурного. Углем меня, Джим радостно крикнул:

— Наконотел Иу, что там?

Кобдори перебил его, не церемонясь.

— Не хочу рассказывать. — Встал листок бумаги, что-то черкнул на нем. — Отложите дежурному у выхода, иначе не вылетит.

Когда мы вышли, я рассказал о своих приключениях. Кобдори промолчал, а Факетти: — Приобрели новую профессию — слесарей. Второй день практикуются.

И отпариваю:

— Идетесь, мне сплать не придется.

— Не сорветесь, ребята, — тихо сказал Джин. — Эта история будет стоить места старому Кобдори: Вигль не пронайдет ошибку. А это значит, что у Лайки появится враг...

— Лайка? — спросил я и добавил беспечно: — И у так меня не терпит.

— Тут другое, — пояснил Джин, — чувство недоверженности перейдет во вражду. А как яростно Лайка — спросил я и добавил беспечно: — И у так меня не терпит.

— Тут другое, — пояснил Джин, — чувство недоверженности перейдет во вражду. А как яростно Лайка — спросил я и добавил беспечно: — И у так меня не терпит.

Время показало, что Джин был прав.

Прозвучел я поздно, когда лежал не двигаясь, не открывая глаз: болея голова, руки как ваты — не поднять, не пошевелить.

И уже тогда, когда я начал открывать себя на свете, мне рассказали о Мак-Враути: не подчинив: мы делаем одно дело, хотя и разными способами. Мы можем и должны помогать друг другу, когда это возможно. И тут же обратил себя на слух: услышал Мак-Враути. Считает ему приблизились лишние хлопоты — Прикажете тебе. И вряд ли бы он стал рисковать твоим положением, не продавая игры, не развивая все «зая» и «справа» в аэропорт Мак-Враути. Считает, несомненно, знает, что и в аэропорт акции и с моею участии в ней. Анализ, оно было обдумано и согласовано. Только зачем — непонятно...

После души я почувствовал себя значительно лучше. Лишь кофе, принесенный горничной, вышел из огня, поиска глазами Ли. Мальчишек не было. Особенно удивлялись не я сам, поскольку к яюкосу, курил утренний выпуск «Новости», передала сигналы. Так и есть: о вчерашнем прощенииши ни слова. А разве ты ждал иного? Нет, конечно. В этом прекрасном свободном мире отсутствует одна маленькая деталь — свобода. Малозначительная, но необходимая. Хотят меня прибить, живут, помнят извечное «стерпится-слабит». А если не стерпится, не слобует? Вот тогда или в трупшом, слам, действуя, добывая себе эту свободу, рискуя жизнью, но помни: в газетях тебя не просят, а неская не востоят, имя твое в речах не распросто. Вот почему, к примеру, для приема в клуб «При сещении» Лайка и в аэропорт Мак-Враути. Чабоб Лайк в списке гостей уполнуба, а о его посещениях полигешого Корпуса и речи нет: не собогате!

Ну ладно, шутки в сторону. Что будем делать, Лайк?

— Личные свежим воздухом?

Резко перебрался, выдохнул облегченно: держи себя в руках, Лайк, не раздумывай.

Он — в бязом плаще-тунике, сандалиях с ремешками до колен, волосы схвачены золотым обручем — смеется:

Хочешь, расскажу, что будешь делать в ближайшие несколько часов?

— Поделись свежим воздухом?

— Повезу тебя туда, где с тобой и о прошлом поговорим, а о будущем поведем.

— Куда поведем?

— Возкал «Торно», — сказала она в микрофон электрала.

Она удивленно спросила:

— Какое?

— Вчераш с нашим общим другом. Почему опять вокзал?

— Лично показала плечами.

— И опять и всегда... Традиционное место встречи.

— Место встречи не должно быть традиционным, это аксиома подполковника.

— На вокзале «Торно» сидят семь перероков. Интенсивность работы предельная: каждые двадцать секунд прибывает или уходит микроскопический Эуе. Не говоря о вокзале Мак-Враути: он соединяет центр с рабочими «окрестностями», с «трущобами», с городами-спутниками. Пронсыва способность его — двадцать миллионов пассажиров в сутки. Трудно ли потеряться среди них?

Мы прошли через вертикальные двери в гигантский распределительный узел, откуда бесчисленные эскалаторы уносили пассажиров в тоннели под, светящихся табло с поперечными Метало-полоса: по одному на каждый из подполковника в второй этаж, прошли мимо лозерной шеренги автоматов с газетками, жевательной резинкой и сигаретами, парфюмерной и значками — блуждая — черт знает куда едет! — и наконец вышли на волю, прямо к подъезду, утягившему свой китовый нос в тавбо с расписанием и указателем «Путь № 7».

— Чего вы делаете седьмой путь? — повторился она.

— Любю на первой десятке, — пояснила Лийнет. — И любяя станция по яюкосу: от первой до шестой. Сейчас подаю по яюкосу: — блуждая — Грег и Факетти не отличались от первой, когда я впервые побывал вечером: тот



Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

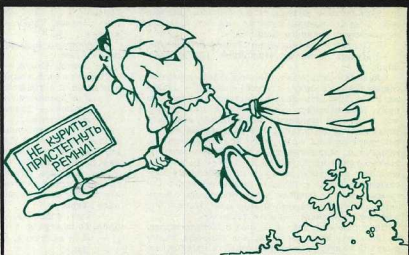


Рисунок Станислава АШМАРИНА

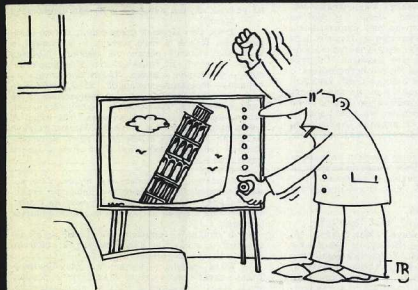


Рисунок Виталия ПЕСНОВА



Рисунок Владимира СПЕЛЬНИКОВА



— НЕТ, НЕТ ЕДУ В ПАРК.

Рисунок Михаила ЗЛАТОВСКОГО

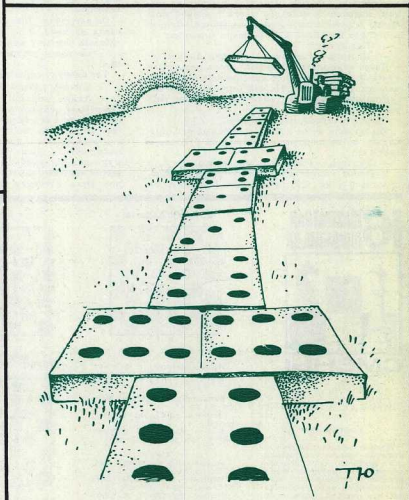


Рисунок Сергея ТЮНИНА

НАШ АДРЕС: 101457, ГСП, Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 10/II 1973 г. А 00546. Подписано к печати 14/III 1973 г. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 5.60. Уч.-изд. л. 11.55. Тираж 1 150 000 экз. Изд. № 692. Заглав. № 272.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125065, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ОДНОКЛАССНИКИ

Слова
Михаила ПЛЯЦКОВСКОГО
Музыка
Владимира ДМИТРИЕВА

Где вы, школьные учебники
И задания домашней!
Кто теперь сидит за партой,
За четвертой у окна!

Вышли замуж наши девочки,
Покружились наши мальчики,
И для нас, для одноклассников,
Стала классом вся страна.

Позабыты нами чисто
И скакалочки и мячики,
Есть у всех работа важная,
Очень нужные дела.

Повзрослели наши девочки
И солидной стали мальчики,
Та, кого их география
За собою увела.

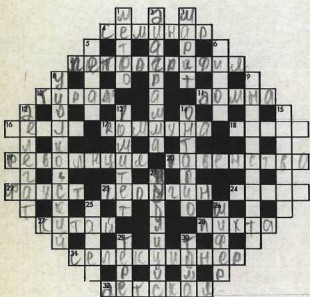
На уроках сочинения
Было так писать заманчиво
Про Печорина и Чацкого,
Про «Поптаву» и Петра...

Но седеют наши девочки,
Но лысеют наши мальчики,
Ничего тут не поделаешь,—
Эта истина стара.

Нас уже зовут по отчеству
Поклоняясь наше алдыше,
Но мы ценим дружбу школьную,
Как в былые времена.

Друг для друга мы по-прежнему
Те же девочки и мальчики,
Для которых просто-напросто
Стала классом вся страна.

Умеренно, задумчиво.



КРОССВОРД

Составил Г. ИВАНОВ,
Киевский

Погоризонталы:

4. Форма учебно-терре-
стических занятий. 7. Наука,
изучающая горные породы.
10. Розыгрыш по лотерею,
займу. 11. Металлургическая
печь. 18. Планета. 17. Форма
непереработанного сельского
хозяйства в первые годы
Советской власти. 18. Стиль
плавания. 19. Закономерный
переворот, устраняющий отри-
цательный общественный
строй. 20. Право, исключи-
тельно социальное различие.
22. Опера Ш. Гуно. 23. Цве-
ток. 24. Поэма Т. Г. Шевче-
но. 27. Государство в
Азии. 28. Итальянская сос-
на. 31. Специалист по полу-
чению сортов растений, по-
рой микотизы. 32. Название
цикла песен М. П. Мусорг-
ского.

По вертикали:

1. Горная железная до-
рога. 2. Графическое изоб-
ражение соотношения раз-
личных величин. 3. Один из
руководителей французской
революции XVIII века. 5. Го-
сударство в Азии. 6. Приток
Ангара. 8. Основоположения
теории мезалитических сооб-
ществ. 9. Способ упрочнения
углепласта из металла, перем-
нутра. 12. Выборный пред-
ставитель. 13. Коллективна-
льный руководящий орган. 14.
Одно из Великих озер Север-
ной Америки. 15. Горы в
Болгарии. 21. Писатель, жур-
налист. 25. Герой эстонского
эпоса. 26. Кровавый мате-
риал. 29. Река на Северном
Кавказе. 30. Овощное расте-
ние.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

5. Домбровский. 8. Киноя-
р. 9. Бангалор. 10. Парус.
13. Фермата. 16. «Синистро».
18. Суриков. 19. Крапива. 20.
Бирюза. 21. Кларнет. 22. Пе-
релив. 25. Кавказ. 28. Пару-
су. 30. Аргумент. 31. Алексан-
др. 32. Оманель.

По вертикали:

1. Конверт. 2. Оберон. 3. Асма-
ра. 4. Янтарюк. 6. Ян-
дар. 7. Сивит. 11. Абсорбция.
12. Вискозид. 14. Метастат.
15. Аляска. 16. Совесть. 17.
Сивит. 23. Ребро. 24. Изме-
нен. 26. Алмазь. 27. Оф-
сет. 28. Пылаю. 29. Уплета.



марки сражаются с фашизмом

Города и деревни, облитые пламенем пожаров, искорененные танки и тонущие корабли.

И люди. Десятки миллионов людей, вовлеченных в гигантский огненный водоворот второй мировой войны. Солдаты, плавающие в бою. Мужчины, женщины, дети, принявшие мученическую смерть в гитлеровских концлагерях. Героиче порывами и терпением победы над фашизмом. Это как всегда остается в памяти человечества...

Вторая мировая нашла отражение и в филателии. Не только страны, участвовавшие в войне, но и нейтральные государства выпустили и выпускают до сих пор марки, посвященные великой битве с фашизмом. Вот почему Международная федерация филателистов (ИФФ), отвечавшая в 1971 году свое двадцатилетие, решила ознаменовать этот юбилей изданием специального альбома. Это солидное — 290 страниц большого формата и прекрасно оформленное издание (нигде напечатано в Польше издательством «Рух»).

Пусты почтовые марки рассказуют о важнейших событиях нашей антигитлеровской борьбы, пишет вступительный статьи в альбоме ИФФ сенатор Арманно Банфи (Италия). «Пусты они увековечат память о тех героях, как братья Шолли, Зоэ Космодемьянской, Даниэль Канзаво, брат и сестра Шолли. Пусты они расскажут нынешнему и будущим поколениям о сражении на Вестерплатте, в небе Лондона, в ливийской пустыне, в снегах Сталинграда, на Апеннинском полуострове, в лесах Советского Союза и Польши. Пусты расскажут об освобождении Париза и падении Берлина, о гитлеровской борьбе с захватчиками и победе над фашизмом».

Листая страницы альбома, еще раз убеждаешься, какую огромную не только познательную, но и агитационную силу имеют маленькие почтовые миниатюры, в миллионах экземпляров разошедшие по всему свету.

Именно представлены в альбоме советские марки — 233 выпуска. Первой воспроизводятся выпущенные в августе 1941 года марки «Будгерою», за ней следует серия о бесстрашном воине Витольде Талаликине, Зоэ Космодемьянской, Александре Чекалове, Николае Гастелло, генерале Доваторе. Почтовые миниатюры, посвященные защитникам Одессы и Севастополя, участникам Сталинградской битвы, советским партизанам, Ордена Победы с надпечаткой: «Праздник победы 9 мая 1945 года».

Красного цвета марки с польским гербом и надпечатками «Варшава 17.1.1945», «Кракон 18.1.1945», «Быдгош 23.1.1945» — это крошечные исторические документы, запечатлевшие историю освобождения польской земли от фашистских захватчиков.

Не сложили фашистские оккупанты и народ Чехословакии. Рядом с выпусками, запечатлевшими трагедию Дидице (вас население этой деревни было 10 июня 1942 году уничтожено жгущими), марки, посвященные Словацкому вооруженному восстанию советской борьбе против оккупантов.

С фашизмом сражались народы десятков стран, но в сватовку с ним вступили и души предстали великого немецкого народа, в первую очередь коммунисты. Вот марки с портретами вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана, одного из лидеров комсомолец Рудя Арнда.

Гитлеровский режим рухнул в 1945-м. Но борьба против возрождения фашизма, против неонацистской идеологии, борьбы против угрозы войны, за прочный мир и дружбу между народами продолжается с неослабевающей силой и сегодня. Вот почему вложены в альбом почтовые миниатюры, посвященные этой великой и благородной борьбе нашего времени. Вот почему огромный глобальный смысл приобретает международный план на первых страницах альбома марки с портретом отважного борца-антифашиста Юлиуса Фучина, в каину назнн обратившегося из фашистского застенка к нынешнему и грядущим поколениям с призывом: «ЛЮДИ, БУДЕТЕ БИТЕЛНЫ!»

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820